

Б. Э. ПЭРИС

АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРА «ЗА ЗАКРЫТОЙ ДВЕРЬЮ»

ДИЛЕММА

Бернадетт Энн Пэрис

Дилемма

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65425927

Дилемма: Синдбад; М.; 2021

ISBN 978-5-00131-343-4

Аннотация

Как решиться сказать правду любимому человеку, если знаешь, что она сделает его несчастным?

Муж Ливии Адам устраивает в честь ее сорокалетия торжество с участием всех дорогих и близких ей людей. Этот день должен стать одним из самых счастливых в ее жизни.

Но перед торжеством Ливии становится известен секрет дочери, который может разрушить счастье всей семьи. Она оказывается перед мучительным выбором: рассказать мужу или подождать. Хотя бы до завтра – ведь сегодня они оба должны быть счастливы...

В день юбилея ужасную новость получает Адам, и теперь перед ним стоит собственная жуткая дилемма: сообщить Ливии сейчас или отложить до завтра, чтобы не омрачать долгожданного торжества?

Как далеко можно зайти в стремлении подарить любимому человеку последние несколько часов счастья?

Содержание

9 июня, воскресенье 03:30	5
Адам	7
Днем раньше	10
Ливия	21
09:00–10:00	33
Ливия	41
10:00–11:00	52
Ливия	57
11:00–12:00	66
Ливия	77
12:00–13:00	88
Ливия	96
Конец ознакомительного фрагмента.	105

Б. Э. Пэрис

Дилемма

*Посвящается М. – источнику моего вдохновения
во время работы над этим романом. Пусть я не
была с вами знакома, я вас никогда не забуду*

B. A. Paris

THE DILEMMA

Copyright © 2020 by B. A. Paris

Published in the Russian language by arrangement with
Darley Anderson Literary, TV & Film Agency and *The Van Lear
Agency LLC*

Russian Edition Copyright © Sindbad Publishers Ltd., 2021

© Издание на русском языке, перевод на русский язык,
оформление. Издательство «Синдбад», 2021

9 июня, воскресенье 03:30

Ливия

Я ПРОСЫПАЮСЬ ОТТОГО, ЧТО ВОДА ПОЧТИ ОСТЫЛА. Ничего толком не соображая, быстро сажусь в ванне, пузырьки пены взмывают по бокам. Сколько я спала? Выдерживаю затычку, слышу клекот и побулькивание воды, уходящей в слив. Звуки слишком громко раздаются в безмолвном доме.

Когда я вытираюсь, по телу пробегает дрожь. В мозгу упорно шевелится одно воспоминание. Дело в том звуке, который меня разбудил. Да-да, на самом деле меня разбудил рев мотоцикла на улице. Я замираю; полотенце так и остается натянутым на спину. Это же не Адам, верно? Он бы не укатил на своем мотоцикле – по крайней мере, среди ночи.

Обмотавшись полотенцем, я спешу в спальню, чтобы посмотреть в тамашнее окно. Виноватое биение сердца делается не таким учащенным, когда я вижу за шатром желтое свечение из его сарая. Он там, он не уехал сводить счеты. Что-то во мне призывает спуститься к нему, убедиться, что у него все в порядке, но какое-то шестое чувство говорит: не ходи, он сам придет, когда будет готов. На миг меня охватывает непонятный страх – словно гляжу в бездну. Но это просто из-за того, что я смотрю в темный и безлюдный сад.

Отвернувшись от окна, ложусь в постель. Дам ему еще десять минут. Если через десять минут не придет, все-таки спущусь за ним сама.

Адам

Я ГОНЮ ПО ПУСТЫННЫМ УЛИЦАМ – то спугну кошку, рыщущую в поисках объедков, то слишком резко срежу угол, и могильная ночная тишь разлетается вдребезги от рева моего мотоцикла. Впереди маячит объездная дорога, ведущая к М4. Я поддаю газу и в воплях двигателя вылетаю на автостраду, перед самым носом у машины, ползущей как черепаха. Мотоцикл слегка смещается подо мной, когда я газую сильнее.

В лицо несется ветер, и это безумно опьяняет, приходится бороться с всепоглощающим желанием выпустить руль и на полной скорости свалиться – и, понятное дело, погибнуть. Жутковато, правда, что Ливии и Джоша недостаточно, чтобы я хотел жить дальше? Чувство вины лишь усиливает мучения последних четырнадцати часов, и рев раскаленного добела гнева словно бы добавляется к звуку мотора, когда я мчусь по трассе и в голове у меня лишь стремление все крушить.

А потом сквозь влагу, потоками струящуюся из моих глаз, я замечаю в зеркало заднего вида, как за мной гонит машина, вспыхивает голубая мигалка, и наш с мотоциклом печальный рев делается ревом досады. Я довожу скорость до ста миль в час, отлично зная, что в случае чего смогу выжать и больше. Потому что сейчас меня ничто не остановит. Но по-

лицейский автомобиль быстро сокращает расстояние между нами, ловко встраивается на внешнюю полосу. Вот он поравнялся со мной, и боковым зрением я вижу, что полисмен на пассажирском сиденье бешено жестикулирует, глядя на меня.

Я еще прибавляю скорости, но полицейские обгоняют меня и выходят на мою полосу, преграждая путь мотоциклу. Мне хочется еще поддать газку и все-таки перегнать их, доведя мотоцикл до максимума его возможностей, но что-то мне мешает, и полицейские, как и я, медленно снижают скорость, прижимая меня к обочине. Уж не знаю, зачем я позволяю им это. Может, не хочу, чтобы Ливии приходилось подбирать новые обломки. А может, в ушах у меня звучит голос Марни: «Не надо, па, не надо!» Честное слово, я так и чувствую, как ее руки на мгновение теснее смыкаются у меня на груди, а ее голова сзади прижимается к моей шее.

Руки-ноги у меня дрожат мелкой дрожью, когда я останавливаю мотоцикл позади полицейского автомобиля и глушу мотор. Из машины вылезают два полицейских – мужчина и женщина. Мужчина широкими шагами направляется ко мне.

– Тебе что, жить надоело? – вопит он, мощным движением сажая на голову фуражку.

Тут подходит и его напарница, сидевшая за рулем.

– Сэр, отойдите от мотоцикла, – гавкает она мне. – Сэр, вы меня слышите? Шаг в сторону от мотоцикла.

Я пытаюсь разжать пальцы, вцепившиеся в руль. Оторвать ноги от мотоцикла. Но меня к нему словно приварили.

– Сэр, если вы не подчинитесь нашим требованиям, нам придется вас арестовать.

– Нам так и так придется его арестовать, – замечает первый. Он делает шаг в мою сторону, и я вижу, что с пояса у него свешиваются наручники. Тут я снова обретаю дар речи – очевидно, от потрясения при виде покачивающегося металлического кольца.

Я резко поднимаю стекло шлема:

– Погодите!

Наверное, что-то они такое услышали в моем голосе или прочли у меня на лице: оба замирают.

– Ну? – спрашивает первый. – В чем дело?

– Это из-за Марни.

– Из-за Марни?

– Да.

– Кто это – Марни?

– Моя дочь. – Я мучительно сглатываю. – Марни – моя дочь.

Они недоуменно переглядываются.

– Где же ваша дочь, сэр?

Днем раньше

8 июня, суббота 08:00–09:00

Адам

ПУСТЬ ЛИВИЯ ЕЩЕ ПОСПИТ. Я вылезаю из постели, тихонько потягиваюсь под дуновением теплого воздуха из открытого окна. Подавив зевок, смотрю на небо: ага, ни единой тучки. Лив будет рада. Погода – чуть ли не единственное, что она не в состоянии контролировать, из всего связанного с ее сегодняшней вечеринкой. Всем остальным она уже несколько месяцев плотно занимается. Хочет, чтобы все было ну прямо идеально. Но последние несколько уик-эндов без конца лил дождь, все больше портя ей настроение.

Я наблюдаю, как мерно поднимается и опускается ее грудь, как слегка трепещут опущенные веки. У нее такой мирный вид, что я решаю не будить ее, пока не сварю кофе. Нахожу одежду, в которой был накануне вечером. Натягиваю джинсы. Приминая волосы, надевая футболку через голову.

Спускаюсь на кухню. Лестница скрипит у меня под ногами. Мёрфи, наша австралийская овчарка, белая с рыжими и коричневыми пятнами, спит в своей корзинке возле печки, но, заслышав скрип, поднимает голову. Я ненадолго опускаюсь рядом с псом на корточки, спрашиваю, как у него дела, хорошо ли он поспал, рассказываю, что сам я спал так се-

бе, проснулся из-за кошмара. Сочувственно лизнув мне руку, он снова опускает голову. Мёрфи готов продряхнуть хоть весь день. Ему уже пятнадцать, и в нем куда меньше энергии, чем прежде. И отлично: со мной в этом смысле та же история. Мёрфи обожает традиционные ежедневные прогулки, но дни наших долгих совместных пробежек остались в прошлом.

Мими, кошка нашей Марни, темно-рыжая, с желтыми и коричневыми полосками, вечно ведет себя как чистопородная, хотя она кто угодно, только не аристократка. Она лежала, свернувшись клубком, но теперь плавно разворачивается и подходит потереться мне об ноги, напоминая о своем существовании. Я наполняю им обоим миски, потом наливаю чайник. Включаю. Бормотание нагреваемой воды нарушает тишину. Выглядываю в окно. Громадный белый шатер чем-то похож на опасного зверя, сжавшегося перед прыжком: вот-вот вскочит на террасу, проглотит дом целиком. Тут я вспоминаю кошмар, из-за которого проснулся. Мне снилось, что шатер унесло ветром. Я постепенно распутываю сон: ну да, я стоял на лужайке возле дома, вместе с Джошем и Марни, и тут поднялся ветер, он все усиливался, мягкий шелест листьев перерос в злое шипение, а потом в оглушительный рев, сорвавший листья с веток, швырнувший их в воздух, затянувший в свой вихрь и гирлянды лампочек, развешанные на деревьях.

– Осторожно! – вскрикнул Джош, когда ветер обратил

свою ярость на шатер. И Марни, прежде чем я успеваю ее остановить, бежит к шатру, хватается за откидную полу.

– Марни,пусти! – заорал я. Но ветер заглушил мои слова, Марни меня не услышала, и шатер унес ее в небо, так высоко и далеко, что мы уже не могли ее разглядеть.

Рассказать Лив – только посмеется: мол, оказывается, не на ней одной сказывается предпраздничное волнение. Я беспокойно отхожу от окна, еще раз потягиваюсь, задев кончиками пальцев потолок нашего старенького коттеджа. Даже не знаю, когда это Джош успел меня перерасти, но он уже какое-то время может, подняв руки на головой, как я сейчас, положить ладони на потолок.

Его рюкзак там же, куда он его бросил накануне: на краю стола, рядом с двумя пластиковыми пакетами. Я сбрасываю все это на пол и критическим взглядом окидываю стол. Это одно из моих самых ранних произведений, нехитрое сооружение из лакированной сосны, которому я пытался придать индивидуальность, укрепив ножки специальными поперечными элементами, похожими на мостик: отголосок моих давних мечтаний стать инженером-строителем. Ливии сначала не нравилось, что под столом из-за этого мало места. А теперь она обожает сидеть на своей скамейке, подложив под себя подушечку, опустив ноги на одну из этих поперечин и уютно прислонившись спиной к стене.

Чайник, вскипев, с щелчком выключается. Наполнив кипятком кофейник, я оставляю его настаиваться и отпираю

дверь в сад. Этот звук вспугивает черного дрозда, сидящего в кустах поблизости. Паническое хлопанье крыльев – он стремглав взлетает в небо. И я невольно вспоминаю, что Марни скоро вернется домой, она уже в пути.

Улыбаясь при мысли, что опять ее увижу (девять месяцев разлуки – долгий срок), пересекаю террасу, поднимаюсь по пяти стершимся садовым ступеням, радуясь ощущению грубого камня под босыми ногами, а потом – ощущению росистой травы газона. Утренний воздух отдает влажным перегином, уж не знаю почему. Видимо, это как-то связано с розами, которые разводит Ливия. Их у нее целая огромная клумба, в правой части сада, перед деревянной изгородью. Проходя мимо, я улавливаю фантастический аромат «Милой Джульетты». А может, это «Леди Эмма Гамильтон». Никогда не запоминаю сорта, хотя Ливия часто мне о них говорит.

Обхожу шатер, убеждаюсь, что все колышки как следует забиты в землю (со смутной мыслью, что мой кошмар мог предвещать что-то вполне реальное), и вижу, что его поставили на самых задах, почти впритык к моему сараю, оставив лишь узкую щель, в которую я едва могу протиснуться. Понятно, зачем это понадобилось: чтобы освободить место для столиков и стульев, которые поставят перед шатром. Но если можно обижаться на шатер, то вот вам, пожалуйста, я сейчас как раз это и чувствую.

Я сажусь на низенькую каменную стенку напротив забора – она разделяет лужайку пополам. Пытаюсь представить

себе, как будет выглядеть наш сад сегодня вечером, когда тут будет бродить сотня гостей, на яблоне и вишне зажгутся гирлянды – и, конечно, воздушные шарiki везде, где только можно. Я всегда подозревал, что Ливия захочет отметить свое сорокалетие с размахом, но по-настоящему осознал, с каким размахом, лишь несколько месяцев назад, когда она заговорила о кейтерах, о шатрах, о шампанском. Мне показалось, что это уже чересчур, и я даже расхохотался.

– Нет, я серьезно, Адам! – рассердилась она. – Я хочу, чтобы все было по-особому.

– Я знаю. Так и будет. Просто мне кажется, что выходит немного дороговато.

– Ну прошу тебя, не порть мне удовольствие, – взмолилась она. – Я даже пока еще не выяснила, как и что. И в любом случае деньги тут не самое главное.

– Лив, деньги *тоже* важны, – ответил я, сожалея, что пришлось об этом заговорить. – Джош летом уезжает, а Марни в Гонконге, какое-то время нам надо быть поаккуратнее. Сама понимаешь.

Она посмотрела на меня. Я отлично знаю этот ее взгляд. Виноватый.

– Ну что такое? – спросил я.

– Я специально копила, – призналась она. – На этот праздник. Уже несколько лет откладывала. Не какие-то огромные суммы – по чуть-чуть. Прости, я должна была давно тебе сказать.

— Да все в порядке, — ответил я, невольно подумав: может, она не сказала мне из-за того раза, когда я ухнул ее сбережения на мотоцикл? До сих пор морщусь, когда про это вспоминаю, хоть это и было много лет назад, еще до рождения Марни.

Эта мысль о Марни напоминает мне кое о чем. Я пробирюсь обратно к дому и, переступив через Мими, которая вечно умудряется попасться мне под ноги, отыскиваю свой телефон там, где накануне вечером оставил его заряжаться, — рядом с хлебницей. Как я и надеялся, от Марни пришло сообщение:

Па, не переживай — мой рейс задерживается, на пересадку в Каире я опаздываю. А значит, и в Амстердам прилечу слишком поздно, на рейс до Лондона тоже не успею пересесть. Паришво, но ты не переживай, я как-нибудь доберусь. Может, меня вообще пристроят на прямой рейс и я буду даже раньше, чем мы думали! Напишу, как только окажусь в Хитроу. Люблю, целую!

Вот черт. Мне очень нравится оптимизм Марни, но что-то я сомневаюсь, чтобы ее пристроили на прямой рейс до Лондона. Скорее всего, заставят ждать в Каире ближайшего подходящего самолета до Амстердама. Уже не в первый раз недоумеваю: зачем я согласился, чтобы она добиралась домой таким круглым путем?

Начиная планировать свой день рождения, Ливия не представляла себе одного – что на празднике может не оказаться Марни. Собственно, мы всегда знали, какого числа будем отмечать, и Марни, узнав, что будет в этом году учиться в Гонконге, первым делом проверила, когда у нее намечаются экзамены. Но с тех пор даты успели измениться.

– Теперь у меня экзамены третьего, четвертого и пятого июня, а потом тринадцатого и четырнадцатого, – сообщила она нам по фейстайму еще в январе, краснея от досады. – Просто не верится, что я пропущу праздник.

– А если я перенесу его на пятнадцатое? – спросила Лив.

– Все равно не успею прилететь, у нас же такая разница во времени.

– А если двадцать второго?

– Нет, потому что тогда Джош не сможет, – напомнила Марни. – Он как раз в этот день улетает в Нью-Йорк, забыла? Нарочно подгадал так, чтобы после твоего праздника. И билет у него уже есть, поменять не получится. Мне дико жалко, ма, я бы рада что-нибудь сделать, но не могу.

Мы несколько часов пытались изобрести какой-нибудь обходной маневр, но в конце концов пришлось смириться: Марни не успеет на праздник. Для Лив это был колоссальный удар. Она даже хотела вообще отменить запланированную вечеринку и на сэкономленные деньги купить билеты в Гонконг, чтобы отметить свой день рождения там. Но Марни ей не позволила:

– Ма, я не хочу, чтобы ты отказывалась от этого праздника, ты же о нем столько мечтала. И Джош по-любому не смог бы, он же будет сдавать выпускные. А мне надо заниматься, я бы все равно не сумела провести с вами так уж много времени. Да и па слишком занят своей работой, он не может взять больше недели отпуска. А приезжать меньше чем на неделю нет смысла, тем более когда столько выложишь за билеты.

А потом, три недели назад, она прислала мне эсэмэску:

«Па, ты что маме даришь на ДР?»

«Кольцо, – написал я в ответ. – С бриллиантами. Но ты ей не говори, это сюрприз».

«А еще один сюрприз не хочешь ей сделать?»

«Какой?»

«Можно я с тобой по фейстайму? Там мамы нет рядом?»

«Нет, она поехала искать себе платье для вечеринки».

«Супер. Надеюсь, найдет. Кстати, про вечеринку...»

Тут мой телефон зазвонил, и она мне рассказала, уже в видеорежиме, что нашла дешевый вариант перелета – из Гонконга в Каир, потом из Каира в Амстердам, а из Амстердама в Лондон.

– Я все рассчитала. Если в четверг выеду сразу после экзамена, буду в Лондоне уже в субботу вечером, а домой приеду часов в девять. Как тебе, па? Что скажешь? Маме будет

сюрприз.

Она сидела в белом шезлонге, в комнате общежития, которую делила с Надей, студенткой из Румынии, и за ее спиной виднелось диванное покрывало, которое она взяла с собой из дома: основная его часть лужей растеклась по полу. На ней была одна из моих старых футболок, а темно-рыжие, цвета красного дерева волосы она собрала в пучок на темени, видно, как обычно, удерживая их там с помощью карандаша. Меня всегда изумляло, как ей это удается.

– Думаю, она будет в восторге, – ответил я, подхватывая Мими и устраивая ее у себя на коленях, чтобы они с Марни видели друг друга. – А когда тебе надо будет обратно?

Марни у себя в комнате нагнула голову поближе к экрану, шепча ласковые слова и посылая Мими поцелуи.

– Не раньше среды, – сообщила она мне. – Получается, проведу с вами почти четыре дня. На обратном пути мне уже не надо будет через Амстердам, так что сумею вовремя вернуться к Гонконг – успею к следующему экзамену, он у меня в четверг.

– Столько перелетов просто ради того, чтобы провести тут всего несколько дней, – заметил я, хмурясь.

– Ну, всякие бизнесмены же постоянно так летают, – возразила Марни. Она то и дело опускала взгляд куда-то вниз. Видимо, на свой телефон: проверяла – не пришло ли сообщение. У нее был поздний вечер, и мне вдруг показалась очень странной сама мысль о том, что у нее ведь своя жизнь

в Гонконге, своя отдельная жизнь, из которой мы с Лив знаем лишь обрывки.

– А ты прямые рейсы не смотрела? – спросил я.

– Смотрела, но они все стоят на сотни фунтов дороже. А этот вариант, с пересадками в Каире и Амстердаме, – шесть-сот пятьдесят. Половину могу из своих сбережений покрыть. Если ты мне одолжишь на вторую половину, я тебе отдам, как только смогу.

– Я вообще не хочу, чтобы ты вкладывалась в свой билет. Пусть это будет часть моего подарка твоей маме.

Она одарила меня одной из своих фирменных улыбок-доушей и потянула за висящее у нее на шее золотое ожерелье, которое я не видел раньше.

– Спасибо, па, ты самый лучший! Короче, мне что – искать такой билет? Пока они не подорожали.

Мне пришлось выдержать нешуточную внутреннюю борьбу, честное слово. Мне хотелось сказать ей: да купи ты билет на прямой рейс, чтобы не суетиться с этими двумя пересадками. Но не далее как накануне я велел Джошу купить билет в Нью-Йорк с пересадкой в Амстердаме – не только потому, что это дешевле, но и потому, что мне казалось, пора уже ему понюхать настоящую суровую жизнь, а то пока ему все как-то слишком легко дается. Как бы я объяснил, почему потратил на Марни несколькими сотнями больше, чем можно было бы, при том что буквально только что отказал Джошу в лишних полутора сотнях? И потом, стоит ли оно того,

рассуждал я: зачем ей возвращаться домой исключительно ради праздника, если уже через четыре дня придется лететь обратно? Я взглянул на ее хорошенькое личико, освещенное настольной лампой, стоящей рядом с ее компьютером, и все возражения, какие у меня могли появиться, тут же растаяли как дым. Начнем с того, что она невероятно походила на свою мать. И потом, я отлично знал, в какой восторг придет Лив, если Марни неожиданно объявится на ее дне рождения.

– Только при одном условии, – заявил я, остро чувствуя немигающий зеленый взгляд Мими, взиравшей на меня снизу вверх. – Никому не говори – ни Джошу, ни Клео, никаким друзьям-подругам, а главное – тете Иззи. Никому не говори, что ты летишь домой. Пусть для всех это будет сюрприз.

– Никому ни слова, обещаю. Спасибо, па. Я тебе уже говорила, что ты самый лучший?

Для Ливии на сегодня приготовлено немало сюрпризов, но нежданное появление Марни на ее празднике явно станет главным из всех.

Ливия

МЕНЯ БУДИТ СКРИП СТУПЕНЬКИ. Протягиваю руку – рядом со мной на кровати никого нет.

– Адам?.. – окликаю я его негромко. Вдруг он в ванной? Ответа нет. Привлеченная теплом оставленного им места, я перекатываюсь на его сторону кровати и лежу там на боку, положив голову на его подушку. Рука автоматически скользит к животу, проверяя, не раздулся ли он, – слава богу, я всю неделю пристально следила за своим рационом и это, похоже, приносит свои плоды. Да ну, кого я обманываю? Я уже полгода слежу за тем, что ем. И постоянно делаю упражнения. И использую крем для век, слишком дорогой для меня. И все это – ради сегодняшнего праздника.

Какое-то время я просто лежу, слушая, не стучит ли дождь по стеклам, как он стучал в прошлую субботу и три субботы до этого. Но слышу лишь посвистывание и чириканье птиц на яблоне, и отчетливо ощущаю, как расслабляюсь: значит, сегодня пока без дождя. Вот он и настал, этот день, которого я так долго ждала. И дождя нет, что совершенно невероятно.

Я сильнее нажимаю на живот, вдавливая тонкий слой жира в мышцы. Внутри у меня бурлят самые разные чувства. Пытаюсь извлечь из этой мешанины радостное возбуждение и счастье, но ощущение вины перевешивает все остальное. Я чувствую себя виноватой за то, что праздник обошелся в

такие деньжищи, за то, что он ради меня одной, а ведь если бы я потерпела еще пару лет, мы могли бы устроить такое же громкое торжество для нас обоих – в честь двадцатипятилетия нашей свадьбы. Вообще-то я предлагала это Адаму. По крайней мере, мне так кажется. Нет-нет, точно предлагала, я же помню, как втайне испытала облегчение, когда он даже думать об этом не захотел.

Никак не могу сейчас долго лежать спокойно. Поворачиваюсь на спину, гляжу в потолок. Ну да, я хочу, чтобы эта вечеринка была для меня одной, разве это так плохо? Похоже, в последнее время у меня к ней развилось двойственное отношение, эдакая любовь-ненависть. Да, я всегда хотела такую устроить, долго ее планировала, копила на нее деньги, но я буду только рада, когда она кончится. Она уже так долго занимает столько места у меня в голове. Слишком много места, если честно. И не только последние полгода, а последние двадцать лет. Особенно ненавистна мне мысль о том, что самую мою потребность в таком пышном праздновании невольно заронили мои собственные родители. Если бы моя свадьба прошла, как они мне обещали, я бы не помешалась на том, чтобы устроить себе такой вот праздник, совсем особенный, посвященный мне одной.

Не хочу сегодня о них думать, сегодня день совсем неподходящий. Но и помешать себе не могу. Я их не видела уже больше двадцати лет. Они всегда держались со мной холодно, отстраненно, я даже не помню, чтобы когда-нибудь мы с

отцом говорили о чем-то важном; с матерью мы больше всего сблизились разве что в те дни, когда она покупала журналы для невест и мы с ней изучали подвенечные платья, торты, цветочные композиции, и она говорила мне, какую роскошную свадьбу они с отцом хотят для меня устроить. Но когда я забеременела, вскоре после своего семнадцатилетия, они больше не пожелали меня знать. И «роскошная свадьба» обернулась поспешной пятнадцатиминутной церемонией в местном загсе. В качестве гостей на ней присутствовали только близкие Адама да наши лучшие друзья – Джесс и Нельсон.

Тогда я уверяла себя, что это не важно – то, что у меня не какая-то шикарная многолюдная свадьба. Но для меня это имело значение, хоть я и ненавидела себя за то, что так из-за этого переживаю. Через несколько лет мать одного из детей, ходивших с Джошем в детский сад, пригласила нас на свое тридцатилетие, и это меня потрясло. Нам с Адамом тогда было всего двадцать с небольшим, и денег у нас кот на плакал, так что этот праздник показался нам чем-то из другого мира. Переполненная восторженным трепетом, я дала себе слово: наступит время, когда я мощно отмечу свой день рождения. Хотя бы один из дней рождения.

Когда я носила Марни и почти не спала из-за бесконечной тошноты, я частенько выходила ночью на нашу крохотную кухоньку, прислонялась к разделочному столику и прикидывала на обороте какого-нибудь счета, сколько мне надо

откладывать каждый месяц, чтобы устроить праздник, как у Крисси. Я давным-давно решила, что отмечу так свое сорокалетие, потому что оно как раз выпадало на субботу. Тогда я и представить себя не могла сорокалетней, вообще не могла вообразить, что доживу до этого. Но вот вам пожалуйста, дожила.

Я поворачиваю голову к окну: мое внимание привлек порыв ветра, сдувающий с яблони последние лепестки. Сорок лет. Как мне вообще может быть сорок? Мой тридцатилетний юбилей прошел скомканно – мне приходилось заниматься двумя маленькими детьми, и я почти не отдавала себе отчета, что достигла такой вехи в жизни. На сей раз круглая дата действует на меня сильнее, может, потому, что я сейчас на иной стадии жизни по сравнению с большинством друзей и подруг. Их дети еще не вылетели из гнезда, а моим Джошу и Марни уже двадцать два и девятнадцать, и они начали жить самостоятельно. Поэтому я чувствую себя как-то старше своих лет. Слава богу, у меня есть Джесс: ее Клео того же возраста, что и Марни, и мы, две подруги, имели возможность вместе переживать их подростковые годы.

Я слышу скрип задней двери, а потом – мягкие шаги Адама, пересекающего террасу. Я его знаю как облупленного и отлично представляю, какую он скорчит гримасу, когда увидит, что шатер поставили почти вплотную к его ненаглядному сараю. А ведь он совершенно идеально ведет себя в смысле подготовки к празднику, и мне становится особенно стыд-

но, когда я вспоминаю, что целых полтора месяца скрываю от него одну тайну. Снова накатывает чувство вины, и я поворачиваюсь и прячу голову в подушку, пытаюсь его заглушить. Но оно никак не проходит.

Мне нужно на что-то отвлечься, и рука сама тянется к телефону. Экран показывает всего-навсего 8:17, но кое-какие поздравления с днем рождения уже поступили. Первое пришло от Марни, она отправила его по ватсапу буквально через несколько секунд после полуночи по нашему времени. Так и вижу, как она сидит на кровати в своем гонконгском общежитии, следя за часами и ожидая момента, когда у нас уже наступит полночь, чтобы нажать «Отправить». Послание она, конечно, написала заранее.

Лучшей мамочке на свете – с днем рожденья, с днем рожденья, с днем рожденья! Наслаждайся каждой минутой своего великого дня. Жду не дождусь – так хочется тебя увидеть. Надеюсь, через несколько недель получится. Люблю и дико обожаю. Целую, Марни. P. S. На выходные отключаюсь, хочу спокойно подготовиться к экзаменам. Скорее всего, буду вообще вне сети, не переживай, если ничего от меня не получишь. Позвоню в воскресенье вечером.

Послание испещрено эмодзи, изображающими бутылки шампанского, именинные торты и сердечки, и я чувствую знакомое замирание в сердце от любви к ней. Конечно, я

скачаю по Марни, но я рада, что сегодня вечером ее здесь не будет. Ужасно стыдно, ведь мне следовало бы переживать из-за того, что она пропустит мою вечеринку. Вначале я и правда переживала. А теперь даже не хочу, чтобы в конце этого месяца она была тут, дома.

Предполагалось, что она приедет только в конце августа, потому что после экзаменов будет путешествовать с друзьями по Азии. Но потом она передумала, и теперь не пройдет и трех недель, как она снова окажется здесь, в Виндзоре. Я перед всеми делаю вид, что я в полном восторге по поводу этого ее неожиданно раннего возвращения. Но в глубине души испытываю лишь ужас и отчаяние. Как только она вернется, все изменится, и мы больше не сможем жить прежней идиллической жизнью.

Я слышу знакомую поступь Адама на лестнице, и с каждым его шагом словно бы возрастает тяжесть того, что я ему не сказала. Но я не могу ему сказать. Во всяком случае, не сегодня. Он осторожно заглядывает за дверь и принимается петь «С днем рождения». На него это так не похоже, что я поневоле начинаю смеяться, и часть груза куда-то исчезает.

– Ш-ш! Джоша разбудишь! – шепчу я.

– Не волнуйся, он спит без задних ног.

Адам входит в комнату, неся две кружки кофе. За ним следует Мими. Он наклоняется меня поцеловать, и Мими тут же вспрыгивает на кровать и ревниво тычется в меня носом. Она обожает Адама и всегда норовит втиснуться между

нами, даже когда мы сидим на диване и смотрим фильм.

– С днем рождения, золотце, – говорит он.

– Спасибо.

Я подношу руку к его щеке и на несколько мгновений забываю обо всем, ощущая одно лишь счастье и больше ничего. Как же я его люблю.

– Не переживай, я обязательно побреюсь, – шутливо замечает он, поворачивая голову, чтобы поцеловать мне ладонь.

– Я не сомневаюсь.

Он терпеть не может бриться, терпеть не может любую одежду кроме джинсов и футболок, но уже несколько недель уверяет меня, что ради моего праздника переборет себя.

– Кофе в постель! Ну разве не прелесть?

Приняв от него кружку, я отодвигаю ноги, чтобы он мог сесть. Матрас прогибается под его тяжестью, и у меня чуть не проливается кофе.

– Ну как ты себя чувствуешь? – спрашивает он.

– Избалованной до последней степени, – отвечаю я. – Как тебе шатер?

– Очень уж он близко к моему сараю. – Он поднимает темную бровь и вносит уточнение: – Нет, он по-прежнему там, я его не передвигал. Забавная вещь – мне снилось, что он улетел и унес с собой Марни.

– Значит, даже хорошо, что ее тут нет, – замечаю я. И меня тут же снова накрывает вина.

Он ставит свою кружку на пол и вытаскивает из заднего

кармана открытку.

– Это тебе, – сообщает он, берет у меня кружку и помещает рядом со своей.

– Спасибо.

Он перелезает через меня, устраивается на своей стороне кровати и, опершись на локоть, наблюдает, как я раскрываю открытку. На конверте выведено мое имя – очень красивыми объемными буквами, в разных оттенках голубого; типичное проявление Адамовой изысканности. Я наклоняю конверт, и сложенная пополам открытка выскальзывает наружу. На первой страничке – серебристое «40». Внутри надписано: *«Надеюсь, сегодняшний день принесет тебе все, что ты хотела, и даже больше. Ты этого заслуживаешь – еще как. С любовью, Адам. Р. S. Вместе мы лучшие».*

Последняя фраза вызывает у меня смех, потому что это вечная наша присказка. Но потом на глаза наворачиваются слезы. Если бы он только знал. Мне следовало сказать ему еще полтора месяца назад, когда я только-только узнала насчет Марни. Но у меня было столько причин этого не делать – хороших и не очень. Когда отгремит мой праздник, никаких оправданий уже не останется – мне придется ему сообщить. Я тысячу раз мысленно репетировала эти слова: «Адам, мне надо тебе сказать одну вещь...» – но ни разу не продвинулась дальше, даже мысленно, потому что пока не придумала оптимальное продолжение. Может быть, медленное, постепенное изложение, шаг за шагом, будет менее му-

чительно, чем если бы я сразу выпалила всю правду? В любом случае его просто раздавит эта новость.

– Эй, ты чего? – Он озабоченно косится на меня.

Я быстро смаргиваю слезы:

– Все нормально. Просто все это меня как-то... ошеломило.

Потянувшись ко мне, он убирает мне за ухо заблудившуюся прядку. И говорит:

– Еще бы. Ты так долго ждала этого дня. – Пауза. – Вдруг твои родители объявятся? Мало ли, всякое бывает. – Он очень тщательно выбирает слова.

Я лишь качаю головой, чувствуя даже какую-то благодарность: значит, он думает, что мой мимолетный приступ грусти – из-за давно чаемого примирения с родителями. Это не главная причина, но они, конечно, тоже играют тут определенную роль. Собственно, они перебрались в Норфолк через полгода после рождения Джоша, потому что, как мне поведал отец, я опозорила их перед прихожанами и друзьями и они больше не могут чувствовать себя достойными людьми – по крайней мере, в нашем местном обществе. Когда я спросила, можно ли мне будет навещать их, он ответил, что мне лучше приезжать одной. Я так ни разу и не поехала: мало того что они не приняли Адама, так они еще и Джоша отвергли прямо с самого начала его юной жизни.

Я снова написала им, уже когда родилась Марни, просто чтобы сообщить: у них появился второй внук, вернее внуч-

ка. Меня даже удивило, когда отец ответил, что они были бы рады ее увидеть. Я, в свою очередь, написала ему, чтобы уточнить, когда мы – все четверо – можем приехать к ним. И получила ответ: приглашение распространяется лишь на меня и Марни. Он, видите ли, вполне готов увидеть Марни, ибо она рождена в законном браке. И я снова не поехала.

Но и потом я все-таки пыталась поддерживать с ними хоть какую-то связь – посылала открытки на дни рождения и на Рождество (хотя от них никогда ничего такого не получала), приглашала на каждый наш семейный праздник. Они никогда не откликались на приглашение, не говоря уж о том, чтобы приехать. Вряд ли сегодняшний вечер станет исключением.

– Ничего они не объявятся, – мрачно говорю я Адаму. – И вообще это уже не важно. Мне сорок лет. Пора выбросить это из головы.

Адам поворачивает голову к окну:

– Видала, какая погода?

Он знает, что мне нужно срочно сменить тему беседы.

– Да, просто не верится. – Я откидываюсь на подушки, и меня начинает грызть тревога иного рода. – Я вот думаю – может, я переборщила с платьем?

– В каком смысле? – не понял он.

– Оно длинное, до полу. И кремового цвета.

– А что тут такого?

– Слишком уж похоже на подвенечное. Ну, так может по-

казаться.

– У него что – много всяких там рюшечек и оборочек? – осведомляется он.

– Нет.

– А вуаль ты собираешься в нему надеть?

– Нет! – отвечаю я с хохотом.

– В таком случае, – провозглашает он, поднимая руку и притягивая меня к себе, чтобы я угнездилась под ней, – это всего лишь кремовое платье, которое оказалось необычно длинным.

Я поднимаю на него взгляд:

– Как это ты всегда ухитряешься сделать так, чтобы я лучше к себе относилась?

– Просто компенсация за все те годы, когда я этого не делал, – объясняет он довольно небрежно.

Я нахожу его кисть, сплетаю с ним пальцы.

– Не надо, – говорю я. – Ты же честно на мне женился, не бросил меня с ребенком.

– Ну да. Зато первые два года я почти все время торчал в Бристоле с Нельсоном, вместо того чтобы быть с тобой. И с Джошем.

– А потом появилась Марни, и у тебя появилась причина чаще бывать дома.

Он выпускает мою руку. Я знаю это его выражение лица, замкнутое, закрытое. Мне хочется взять свои слова обратно. Он уже двадцать лет пытается как-то загладить свою вину за

эти наши первые дни. И передо мной, и перед Джошем. Но он до сих пор чувствует вину.

– Я от нее получила очень милое сообщение, – говорю я, зная, что разговоры о Марни всегда улучшают ему настроение. – Пишет, что, возможно, ей сегодня не удастся позвонить. Хочет спокойно, не отвлекаясь, подготовиться к экзамену. На выходные отключается от сети, будет где-то, где даже нет вайфая.

– Как это мы умудрились вырастить такое благоразумное дитя? – шутливо спрашивает он. Да, он снова настроен добродушно.

– Понятия не имею.

Я слабо улыбаюсь ему. Он явно думает, что я просто переживаю из-за вечеринок, поэтому целует меня и говорит:

– Да не волнуйся ты. Все будет отлично. Во сколько за тобой заезжает Кирин?

– Не раньше одиннадцати.

– Тогда у тебя еще есть время поспать. – Он встает с кровати. – Попей спокойно кофе, а я пока душ приму. А когда спустишься, я тебе приготовлю завтрак.

09:00–10:00

Адам

Я СЛЕГКА НАЖИМАЮ ПЛЕЧОМ НА БРЕЗЕНТ ШАТ-РА, и он немного поддается, затем возвращается в прежнее положение. Я нажимаю сильнее, и мне все-таки удастся приоткрыть дверь сарая, чтобы хоть протиснуться внутрь.

Чего уж там, я очень люблю свой сарай, с его землистым запахом опилок, усеивающих пол. У передней стены, в которой проделано окно, выходящее в сад, расставлено несколько деревянных чурбаков разной высоты из дуба, сосны и ореха. Длинный верстак тянется вдоль всей двадцатифутовой задней стены, там и сям на нем закреплены тиски и всякие силовые устройства. На двух открытых полках – инструменты поменьше. Все это я время от времени использую. В дальнем углу – телевизор, DVD-плеер, два стареньких кресла. Иногда мы с Нельсоном приходим сюда посмотреть какой-нибудь матч или черно-белый фильм. Он поставляет пиво для холодильника и честно признается, что здесь он прячется от своей Кирин и от детей.

В другом конце сарая то, за чем я, собственно, и пришел. Я храню здесь эту штуковину с тех пор, как Марни предложила сделать Ливии сюрприз. Это метровой длины ящик, где когда-то лежал здоровенный кусок древесины – черный

орех. Как только Лив уедет вместе с Кирином, мне надо будет переправить его в сад и спрятать там под столом.

Я подтаскиваю ящик к двери. И тут понимаю, что шатер все-таки поставили слишком близко к сараю и ящик не пролезет.

– Черт!

Может, разобрать ящик на части, вынести в сад и уже там собрать? Но все его стороны крепко сколочены гвоздями. Усевшись в одно из кресел, я размышляю, где бы мне, елки-палки, раздобыть другой ящик, в котором бы хватило места для Марни. Аромат древесины и лака действует на меня успокаивающе, и я ставлю ноги на скамеечку и позволяю мыслям блуждать как им заблагорассудится. Вообще-то я никогда не думал стать столяром. Когда мне было семь лет, отец повел меня посмотреть на Клифтонский подвесной мост, и с тех пор я мечтал лишь об одном – строить мосты. Поэтому, когда мне еще в юности предложили учиться в Эдинбургском университете, на факультете строительной инженерии, я с радостью ухватился за эту идею. Рождение Джоша все перевернуло – по крайней мере, так мне казалось в то время.

Я не пытаюсь изобретать оправдания своему тогдашнему поведению, но в ту пору мне очень нелегко было наблюдать, как Нельсон и прочие мои друзья оттягиваются в университете, а мне приходится быть, по сути, подмастерьем и заниматься тем, что меня ничуть не интересует. Уж не знаю, как

меня терпел мистер Уэнтуорт (единственный, кто согласился взять меня на работу) – и Лив. Я то и дело норовил удрать в Бристоль, чтобы повидаться с Нельсоном, оставляя ее одну с Джошем и иногда пропадая целыми днями. Обосновавшись в его комнате, я прокрадывался на лекции, которые он посещал, а потом допоздна пил. В общем, я жил в то время студенческой жизнью, которой мне так не хватало. Так что я вполне понимаю, почему Лив страстно хочет устроить себе этот самый праздник. Когда тебя лишили чего-то такого, чего ты хотел больше всего на свете, эта обида на жизнь так и не забывается.

Моя книга учета раскрыта рядом на столе, и я поднимаюсь с кресла и бегло пролистываю страницы. Все заказы я автоматически вношу в компьютер, но веду и письменную документацию: в свое время на этом настаивал мистер Уэнтуорт. Я сохранил все его гроссбухи. Ему безумно нравилась сама мысль о том, что когда-нибудь кто-то будет читать о разных вещах, которые он сделал, о том, какую древесину он использовал, о примерном количестве часов, которое на это ушло, и о том, сколько он за все это брал. Он умер пять лет назад, и, хотя к этому моменту я не работал с ним уже больше десяти лет, мне по-прежнему очень его не хватает.

Почти все дерево, которое сейчас имеется у меня в сарае, уже в том или ином виде обещано заказчикам (самый крупный объект – замечательно красивый кусок шлифованного дуба – должен в конце концов стать столом для богатого бан-

кира, проживающего в Найтс-бридже), но черный орех, мой любимец, зарезервирован для Марни. Я намерен вырезать из него скульптуру на ее двадцатилетие, которое будет уже скоро, в июле.

До ее появления на свет я и не ожидал ничего особенного. Три годами раньше родился Джош, и меня это так ошеломило, что за все эти три года я так и не освоился в роли отца. Но Марни зачаровала меня, едва я ее увидел. Если рождение Джоша словно бы пробудило во мне худшие черты, то появление Марни – лучшие. Она-то и научила меня быть отцом. Для этого хватило самого факта ее существования.

Когда она немного подросла, мы сильно сблизились: я полагал, что вряд ли мы когда-нибудь так же сблизимся с Джошем. После школы она приходила ко мне в сарай, садилась в одно из кресел и, пока я работал, подробно рассказывала, как у нее прошел день. Я обзавелся первым мотоциклом, когда ей было двенадцать, и она полюбила его так же сильно, как и я сам. Ливия всегда настаивала, чтобы дети ходили в школу пешком (идти было всего двадцать минут), но когда Марни стала постарше, она специально тянула с утренними сборами, а потом просила, чтобы я подбросил ее на мотоцикле, уверяя, что иначе она опоздает.

– И вообще это же дико круто – когда подкатываешь на «Триумф-Бонневиль-Т120», – шептала она мне, убедившись, что Ливия ее не услышит.

Ливия не одобряла, что я так балую Марни. Попроси ме-

ня Джош, я подвез бы и его, но он в жизни не стал бы просить, скорее остался бы в школе после уроков за опоздание. Позже, когда Марни стала ходить на вечеринки, я отвозил и забирал ее именно на мотоцикле. И она никогда не переживала насчет того, что шлем испортит ей прическу, а кожаные штаны (я настаивал, чтобы она их надевала) помнут платье. Я гордился тем, что она разделяет мою любовь к мотоциклам. Как ни странно, почему-то мне не приходило в голову, что в один прекрасный день она захочет обзавестись собственным. Вот дурак.

– Все, я решила, – объявила она мне и Лив всего месяц назад, во время одного из наших очередных видеоразговоров по фейстайму. Она сидела на своей кровати в общежитии, зажав телефон между коленями. На стене позади нее, рядом с плакатом «Сохраняй спокойствие и иди вперед», висели фотографии – мои, Ливии и Джоша, а также ее здешних друзей. Был тут и групповой снимок: она с Клео, а позади стоим мы с Робом, отцом Клео. Я вспомнил, что снято это в одной виндзорской пиццерии, куда мы их повели вскоре после экзаменов.

– Не поеду я ни в какое путешествие, когда закончу здесь все в июне, – заявила Марни. – Сразу домой.

– Почему? Зачем такая спешка? – спросила Лив, прежде чем я успел что-то ответить. Она уже несколько лет не говорила с Марни так резко. Я понимал – она беспокоится, что на Марни опять напала тоска по дому.

– Потому что я хочу нормальную долгую прогулку на день рождения.

Мы с Ливией не знали, что и сказать. Все последние десять лет в день рождения Марни мы ходили с ней на «долгую прогулку» в Большом Виндзорском парке, но тогда она жила с нами, так что никаких особых усилий для этого не требовалось. Стоило ли отказываться от путешествия ради того, чтобы пораньше вернуться домой и совершить прогулку, на которую можно пойти когда угодно, ведь мы живем совсем рядом с парком? Но тут, уже не в силах притворяться, она расхохоталась.

– Шучу! – заявила она. – Я приеду раньше, потому что хочу позаниматься – мне надо получить права. На мотоцикл.

– Ну ладно, – с облегчением отозвался я. – Но торопиться-то некуда, верно?

– Нет. Потому что я хочу мотоцикл.

– Ты его себе еще несколько лет не сможешь позволить, – заметила Лив. – Может, лучше все-таки путешествие? Вдруг тебе вообще больше не выпадет шанс увидеть Вьетнам и Камбоджу?

– Мамочка, – терпеливо произнесла Марни, – я их прекрасно увижу, я по ним еще покатаюсь на мотоцикле!

Нам не удалось ее переубедить. Никакие наши доводы на нее не действовали. Вообще-то я не так из-за этого беспокоился, как Лив. Я очень соскучился по Марни, и мне понравилась мысль о том, что она вернется раньше, чем мы думали.

А еще мне понравилась ее решимость добиться желаемого. Мне вспомнился прошлый год, когда мы безуспешно пытались отговорить ее делать себе татуировку с изображением мотоцикла – во всю спину, от плеча до плеча.

– Ну как, хотите посмотреть? – спросила она у нас, приехав на выходные домой из университета. – Я про татушку.

– Ты этого не сделала, – ответил я, пораженный тем, что она все-таки настояла на своем.

– А вот и сделала. Не переживай, она тебе понравится.

– Не уверен, – предупредил я.

– Я хочу посмотреть, – заявила Ливия, хоть я и знал, что ей ненавистна сама мысль о том, что у Марни появилась гигантская татуировка.

Смеясь, Марни стянула свитер и продемонстрировала нам свою руку.

– Я струсила, – призналась она. – Решила, что так будет лучше.

Ливия одобрительно кивнула:

– Уж это точно.

– А ты что скажешь, па?

Вдоль всего предплечья у нее протянулась красивая надпись курсивом: *«Ангел, шагающий под барабан Дьявола»*.

– Любопытно, – ответил я, с облегчением вздыхая, все-таки татуировка оказалась сравнительно небольшой.

Татуировка как раз и подсказала мне идею для скульптуры, которую я хочу сделать для Марни. Хочу вырезать ан-

гела, но не обыкновенного, а в кожаных штанах и на мотоцикле. Я бы с радостью начал прямо сейчас, но мне все-таки надо повидать Лив, прежде чем она уедет с Кирин, а еще предложить Джошу помощь с воздушными шарами и украшениями, он все это притащил сам. Кроме того, необходимо отыскать какой-то другой ящик. Может, на чердаке? План такой: Марни пришлет мне эсэмэску минуты за две до того, как подойдет к дому, а я вытащу ящик из-под стола и незаметно дотащу его до середины террасы. Она проскользнет через боковую калитку и заберется в ящик – будем надеяться, никто этого не увидит. Как только я закрою ее крышкой, позову всех на террасу, чтобы все увидели, как Лив открывает свой подарок.

Марни умница – предупредила Ливию, что уезжает на выходные и будет вне доступа. Поэтому Ливия не расстроится из-за того, что Марни ей сегодня не позвонит. Мне прямо не терпится увидеть, какое у нее получится лицо, когда Марни вдруг объявится. Это будет самый лучший подарок, какой мы только могли бы для нее придумать.

Ливия

ЧТОБЫ НЕ РАЗБУДИТЬ ДЖОША, я спускаюсь по лестнице, держа свои новые красные босоножки в руке. Приостанавливаюсь у его двери, чувствуя теплоту пола под босыми ногами. Изнутри не доносится ни звука, свидетельствующего о том, что он уже встал и ходит по комнате. И неудивительно: вчера он приехал очень поздно, а в поезде готовился к экзаменам. Он просил сегодня разбудить его пораньше, но лучше я дам ему поспать.

Держась за перила, я переступаю через скрипучие ступеньки. Спустившись вниз, сажусь, чтобы надеть босоножки. На коврике у двери – целая куча поздравлений. Подбираю их все, несущ подальше, на кухню. По пути проглядываю конверты. Меня ужасно разочаровывает, что от родителей никаких открыток не пришло. Что бы я ни говорила недавно Адаму, мне очень нужно, чтобы сегодня вечером они явились. Если они не сделают это сегодня, на мое сорокалетие, значит, уже никогда не сделают. И мне придется смириться с этим. Что называется, отпустить их. Хотя бы просто ради сохранения моего собственного здравого рассудка. Потому что двадцать два года – достаточно долгий срок, чтобы простить своего ребенка.

То чувство воодушевления и возбуждения, которое я ухитрилась поддерживать в себе с тех пор, как Адам про-

пел мне «с днем рождения», начинает выветриваться. Меня даже подташнивает, что вообще-то часто случается, когда я думаю о своих родителях. На кухне я не обнаруживаю никаких признаков завтрака (и Адама), а значит, в доме его нет. Вчера мне стало немного стыдно, когда я увидела, как далеко пришлось отодвинуть шатер. Но, честно говоря, какая-то частица меня даже рада, что пухлый Нельсон, скорее всего, не сумеет протиснуться в оставшуюся щель. Они с Адамом имеют привычку незаметно удирать в сарай, чтобы дернуть пивка, а я очень хочу, чтобы сегодня вечером Адам постоянно был рядом.

Как всегда по утрам, я ласкаю Мёрфи. Из кухни еще не совсем выветрился запах стейка, который мы ели вчера на ужин, и я открываю окно. Внутрь так и врывается теплый воздух. Просто не верится, какую чудесную погоду сулит этот день. Если бы я знала, сэкономила бы сотни фунтов и вообще не стала заморачиваться с этим шатром. С другой стороны, хорошо, что в саду есть крытое помещение, где кейтеры смогут разместить угощение. Приезжают они в пять, так что по-настоящему все начнется еще не скоро.

Усевшись за стол, я нашариваю ногами поперечину, на которую люблю ставить ноги, и начинаю смотреть открытки. Потом в дверь звонят. На пороге – мужчина с великолепным букетом желтых роз.

– Миссис Харман?

– Совершенно верно.

Он протягивает мне цветы:

– Это для вас.

– Боже, какая прелесть!

– Отрежьте по дюйму от стеблей, прежде чем поставите их в воду, – рекомендует он. – Но не развязывайте букет.

– Хорошо. Спасибо...

Но он уже ушел по дорожке, ведущей к воротам.

Зарывшись носом в букет, я вдыхаю мощный аромат роз. Интересно, кто их послал? На мгновение меня посещает мысль: может, родители? Но скорее уж Адам.

Принеся цветы в кухню, я кладу их на стол и оттягиваю карточку, прикрепленную к букету, чтобы прочесть, что на ней написано:

Пусть это будет лучший день в твоей жизни, ма. Жалко, что я не смогу быть с вами, но я буду о тебе думать. Обожаю и целую. Твоя Марни. Р. S. Это тот самый букет, которого у тебя никогда не было.

На глаза наворачиваются слезы. Не помню, чтобы я рассказывала Марни, как в день свадьбы собиралась выйти с букетом желтых роз. Видимо, все-таки рассказывала. Тут я вспоминаю тот наш разговор, всего неделю назад. И мне становится ужасно стыдно.

Адам тогда пошел с Нельсоном выпить, я знала, что он вернется поздно, и воспользовалась этим шансом, чтобы по-

звонить ей. Я подождала наших десяти часов вечера. В Гонконге было только шесть утра, и она еще могла спать, но меня это не волновало.

– Ма? – В ее голосе тревога быстро вытеснила сонливость. – У вас там все нормально?

– Да, да, все в порядке, – поскорей успокаиваю ее я. – Просто решила тебе звякнуть.

Мне было слышно, как она что-то ищет – возможно, часы.

– У нас тут еще шесть часов, – сообщает она.

– Ну да, но мне что-то захотелось поболтать. Подумала – вдруг ты уже встала? Извини.

– Ничего. А почему ты не по видео?

– Э-э... даже не знаю. Наверное, что-то не то нажала. Ну ладно, как ты там вообще?

– Дел полно. Мне еще столько готовиться. Думаю, дома буду отсыпаться месяц.

– Я вообще-то об этом и хотела с тобой поговорить.

– В смысле?

– Знаешь, что-то я не пойму, почему ты не хочешь попутешествовать. Такой шанс упускаешь. – Я сразу же перехожу к делу, опасаясь, как бы Адам не вернулся раньше времени и не услышал, что я пытаюсь убедить его дочку приехать лишь в конце августа, как она изначально и собиралась.

– Потому что я хочу получить права на мотоцикл. Я же объясняла!

– Но ты еще успеешь это сделать, – заметила я, отлично

зная, что она хочет приехать домой пораньше вовсе не затем, чтобы поскорее сдать экзамен на права. – И потом, ты все равно сейчас не можешь позволить себе мотоцикл.

– Это папина идея?

– Нет, моя.

– Я-то думала, ты обрадуешься, что я возвращаюсь пораньше. – Голос у нее дрогнул.

– Мне просто кажется, что очень обидно упустить такую возможность увидеть Азию. И я, честно говоря, не понимаю, почему ты так рвешься получить права, они тебе еще сто лет не понадобятся.

– Ну, я уже купила билет, так что поздно меня отговаривать.

– Ты всегда можешь его поменять.

Она помолчала, прежде чем спросить:

– А ты вообще хочешь, чтобы я приехала домой, ма?

– Конечно, хочу! – поспешно ответила я.

– Тут дело не только в правах. Мне еще кое-что надо сделать.

– Например? – Я с трудом сохраняла ровный и спокойный тон.

– Ну, разные вещи. Извини, ма, но если ты хочешь попросить меня не прилетать в конце июня, то ты зря тратишь деньги на звонок. Я просто хочу быть дома.

В ее голосе звучит раздражение, и я знаю, что пора отступить. Сейчас в любом случае тот разговор, который мне так

нужен, у нас не получится.

– Я знаю, – отозвалась я. – И буду очень рада тебя увидеть. – Я немного помолчала. Мне хотелось, чтобы между нами все стало как раньше. – Я думала, ты решила, что тебе надо приехать домой и провести с нами все лето, ты же нас целый год не видела.

– Никакого «надо» тут нет, есть только «хочу». Я хочу домой. – Она негромко рассмеялась. – Видно, во мне больше от домоседки, чем мне казалось.

Мы еще какое-то время продолжали этот вымученный разговор. Я спрашивала, что она сегодня будет делать. Мар-ни спрашивала, как идет подготовка к моему празднику. Но обе мы задавали вопросы без особого интереса. Меня больше занимало росшее во мне чувство неизбежной беды, а ее, вероятно, тяготило сознание, что мать пока не хочет, чтобы она возвращалась домой, – несмотря на все мои заверения в обратном.

– У меня есть для тебя открытка ко дню рождения, – вдруг сообщила она. – Сегодня отправлю. Может, она и не придет вовремя, но я ее все равно pošлю.

– Буду очень рада ее получить, когда бы она ни пришла, – ответила я. И вскоре после этого мы разъединились.

Может, она потому и решила прислать цветы – на случай, если открытка не дойдет вовремя (она пока и не пришла). Я с беспокойством размышляю, во сколько ей обошлись эти розы, но тут я слышу гитарные переборы и вижу, что у нижних

ступенек лестницы стоит растрепанный Джош, его темные волосы пока не приглажены ни водой, ни гелем. Он взрывается рэп-версией песенки «С днем рождения», и тут до меня доходит, что мне нужно хотя бы ради него и Адама (и вообще всех, кто помогает мне устроить этот праздник) перестать чувствовать себя виноватой чуть ли не во всем на свете. Хватит. Наслаждайся этим днем.

– Спасибо! – кричу я Джошу, разражаясь аплодисментами. Раздается стук полого дерева о дерево: он кладет гитару на ступеньки.

– Ну, каково это – когда тебе сорок? – спрашивает он, входя на кухню, обнимая меня, поднимая над полом.

– Чудесно! – смеюсь я. – Хотя вся новизна, скорее всего, сотрется к завтрашнему дню.

Он опускает меня, делает шаг назад, демонстративно рассматривает:

– Классное платье.

Я разглаживаю подол белого сарафана:

– Спасибо. Я его специально купила, чтобы сегодня пойти на ланч вместе с Кирином.

Джош наклоняется погладить Мёрфи.

– Ну, а ты как, старина? Ты-то явно рад меня видеть, не то что Мими. Даже поздороваться не подошла. Она вообще где?

– Дрыхнет на нашей кровати.

– А папа?

– У себя в офисе.

Джош выпрямляется.

– «В офисе»? Ладно тебе, ма, можешь называть его сараем, папа сам так делает.

Пожав плечами, я отхожу наполнить чайник. Напряженность между Адамом и Джошем надрывает мне сердце, особенно когда Джош отпускает шпильки в адрес Адама насчет его прически, избитые шуточки о том, что он подбирается к среднему возрасту, насчет того, что работает он в сарае. Адам всегда старается наладить с ним отношения. Может, в этом и проблема: слишком уж он старается.

Джош кивает в сторону стола:

– Кто прислал цветы?

– Марни. Прелесть, правда?

– Я вчера с ней говорил, – сообщает он, доставая из холодильника пакет сока. – Ей дико жалко, что она не будет тут сегодня вечером.

– Я знаю. Мне тоже жалко. – Держа розы над раковиной, я, презрев мудрый совет курьера, отрезаю от каждого стебля совсем по чуть-чуть: мне кажется, что дюйм – это слишком много. – Ты, конечно, не сумеешь принести мне вазу из столовой?

– Сумею.

– Ну так что, – говорю я, когда он возвращается с вазой, – как там твои экзамены?

– Пока неплохо.

– Уверен, что сегодня тебе не надо готовиться?

Вместо ответа он лишь потягивается. Его руки касаются потолка. Забавно, как привычки передаются из поколения в поколение, на каком-то интуитивном уровне: Адам тоже всегда так тянется, подняв руки над головой. Футболка Джоша задирается, обнажая живот. Слишком уж ты тощий, решаю я, невольно задумываясь, правильно ли он питается.

– Нет, не надо. Все под контролем, – наконец отвечает он, подавляя зевок. – Вчера в поезде немного позанимался, и завтра, когда поеду обратно, посижу еще пару часиков. А сегодня я вполне свободен, могу делать все, что понадобится.

Я одаряю его благодарной улыбкой:

– Как тебе удалось разобраться с музыкой? У каждого ведь свой вкус.

– Ну, мне Макс помог с плейлистом.

Ага, Макс. Это давний друг Джоша, еще с детства. Его мать умерла, когда ему было всего пять лет, и с тех пор он – часть нашей семьи. Макс, который стал вторым сыном для меня и Адама, братом для Джоша и Марни. И которого я всеми силами стараюсь избегать последние полгода.

– Наверняка там были всякие странные и чудные просьбы.

– Еще бы. Всегда получается диковатая смесь, когда такой большой разброс по возрасту, – объясняет он, легонько тыкая меня пальцем в плечо, чтобы показать, что он шутит. Потом берет у меня вазу, я уже поставила в нее цветы.

– Куда ее теперь?

– Пока где-нибудь сбоку, чтобы я могла ими наслаждаться. Чай, кофе?

– Чай. Я сам сделаю.

Я сажусь за стол. Джош прав – сегодня вечером сюда явятся самые разные поколения, от Клео, девятнадцатилетней дочери Роба и Джесс, до родителей Адама, которым уже за семьдесят. Мне хочется угодить всем, и я попросила каждого заранее назвать Джошу свою любимую песню, чтобы он в какой-то момент ее поставил. А другие пусть попробуют угадать, кто ее заказал: по-моему, получится очень забавно.

– Как там Эми?

Джош поворачивается ко мне, прислоняется к разделочному столу за спиной.

– Нормально.

– Все-таки не выберется сегодня?

Почесав грудь, он отвечает:

– Нет. Оно и понятно. Ее родители считают, что восьмидесятилетие ее бабушки важнее, чем твое сорокалетие.

– Конечно.

Он подносит мне кружку с чаем:

– Поесть ничего не хочешь?

– Спасибо, пока нет. Подожду, пока твой папа не придет.

Он обещал сделать завтрак.

– Ничего, если я без тебя начну?

Джош проходит к буфету, отыскивает хлопья, насыпает в миску, добавляет молока, извлекает из ящика ложку и, при-

валившись спиной к холодильнику, начинает есть. Кажется, он вечно к чему-нибудь прислоняется, словно самому ему трудно удержаться на ногах. Несколько обиженное выражение лица (он явно думает об Эми и о том, что она не сможет сегодня прийти) отнюдь не делает его менее привлекательным. Он очень похож на Адама в том же возрасте.

Я подавляю вздох. Его беспокоит не только то, что Эми сегодня не придет.

– Когда ты собираешься поговорить с папой? – спрашиваю я.

– Скоро поговорю.

– Ты должен ему рассказать, – напоминаю я, остро осознавая, как лицемерно это звучит.

Он вытирает рот тыльной стороной кисти.

– Я знаю.

– Он поймет.

Джош качает головой.

– Нет, – мрачно произносит он. – Вряд ли.

10:00–11:00

Адам

Я УЖЕ ИДУ ОТ САРАЯ К ДОМУ, когда вижу в окне, как Лив болтает с Джошем на кухне. И не то чтобы они, скажем, стояли рядом – Ливия сидит за столом, а Джош прислонился к холодильнику, – но я все равно ощущаю себя посторонним, подглядывающим за чужой жизнью. Я вдруг понимаю: может быть, что-то похожее чувствует Джош, когда видит меня с Марни. Да, мне всегда казалось, что он нарочно не присоединяется к нам в таких случаях, чтобы я не поразовался, не подумал, что он меня простил. Возможно, при этом он ощущает то же, что и я: что его присутствие будет воспринято как своего рода вторжение.

Но я все смотрю. От этого странного вуайеризма мне как-то не по себе, но я не в силах заставить себя оторваться. Вижу, как Ливия закидывает голову, смеясь каким-то словам Джоша, – и я улыбаюсь в ответ. Мне очень нравится видеть Ливию счастливой, тем более что я знаю, как сильно ее задело, когда собственные родители заявили ей, что она никогда не будет счастлива, – в тот день, когда она им сказала, что мы намерены пожениться. Мне, наверное, никогда не понять, почему они так ее оттолкнули. И я серьезно страдаю всякий раз, когда они не откликаются на ее приглашение. Ну

да, она говорит себе, что они не приедут, но всегда в глубине души ждет: вдруг объявятся? Мне часто хотелось вскочить на мотоцикл и разыскать их в Норфолке, сказать им, сколько они всего упускают – не только в отношениях с Лив, но и в смысле Джоша и Марни, внука и внучки, с которыми они так никогда и не пожелали встретиться. Я хочу сказать им, какая Лив потрясающая, как мы счастливы вместе, как я ее люблю. Но я всегда опасался, что сделаю только хуже.

Лишь недавно я осознал, что хуже уже не будет, во всяком случае для Ливии, и решился написать ее родителям и спросить, хватит ли у них милосердия прийти сегодня на ее день рождения. Написал, что вполне понимаю, как их огорчило, когда Ливия забеременела, но ведь с тех пор прошло больше двадцати лет, им давно пора бы простить ее. При этом я напираю в основном не на Ливию, а на Джоша и Марни, на то, как мы постоянно жалеем, что они не знают бабушку и дедушку. Я приложил к письму фотографию, где Джош с Марни сидят на садовой стенке. Снимок сделали как раз накануне отъезда Марни в Гонконг. Я накатал несколько здоровенных абзацев о них, об их жизни, о том, чем они занимаются, даже поведал им, что Марни прилетает из Гонконга специально на этот праздник, чтобы сделать Ливии сюрприз, – надеялся, что это убедит их приехать. Я был вполне готов к тому, что отец Ливии тут же отчитает меня в ответном письме, требуя, чтобы я больше никогда не вступал с ними в контакт. Но он вообще ничего не написал, и это само по себе вселяет

в меня надежду: может, они сегодня вечером все-таки придут.

В кармане у меня вибрирует телефон, прерывая ход моих мыслей. Я кошусь на окно: может, Лив с Джошем застали меня за подглядыванием и теперь звонят? Нет, они по-прежнему погружены в беседу. Вынимая телефон, я думаю: может, это последние новости от Марни? Нет, это не она. Пришла эсэмэска от Нельсона:

Ты уверен, что вам не нужна сегодня помощь? Умоляю! Дети меня доведут!

Когда мы навещали их в прошлые выходные, Нельсон пытался рассказать мне, как у него дела на работе, в то время как четырехлетние близнецы вовсю ползали по нему, а юная дочка украшала его бороду скрепками и ленточками. Я очень люблю Нельсона, но мне приятно думать, что теперь и ему довелось испытать, каково это, когда дом полон детишек. «Мы с тобой оба знаем, что сегодня обязанности няни выполняешь ты. Иначе твоя Кирин меня убьет. Уж извини», — пишу я в ответ.

Я тащусь к дому, уже внутренне готовясь испытать чувство (как бы его назвать — чувством потери?), которое у меня всегда возникает рядом с Джошем. На первый взгляд может показаться, что мы с ним отлично ладим. Но чего-то не хватает, какой-то близости, которой у нас, возможно, вообще

никогда не будет. По крайней мере, не сейчас.

Вообще-то я всегда осознавал эту дистанцию между нами, но впервые по-настоящему прочувствовал ее в тот день, когда он уехал в Бристоль учиться в университете. В Бристоль, тот самый город, куда я ездил прятаться от него восемнадцать лет назад: ну не ирония судьбы? Нельсон и Кирин тогда как раз были у нас, и, когда Джошу пришлось время прощаться, он просто пожал мне руку, а затем подошел к Нельсону, который тут же заключил его в объятия. Меня поразило, что и Джош его обнял, а главное, как он это сделал: словно такое объятие – самая естественная вещь на свете. Выглядело это так, будто Нельсон его отец, а не я.

Знаю, что, когда они были маленькими, я слишком заикался на Марни, и потом я пытался – до сих пор пытаюсь – как-то возместить Джошу нехватку моего внимания, но это дается мне, прямо скажем, нелегко. Вот почему я испытываю такую глупую гордость за то, что сумел подыскать для него стажировку в Нью-Йорке. Если ты столяр, у тебя не особенно много связей, чтобы обеспечить своим детям хорошее будущее. Нет, не то чтобы я особенно использовал какие-то связи: просто мне однажды случилось разговориться с американским другом Оливера, одного из моих клиентов. Этот самый друг заглянул ко мне в мастерскую, чтобы узнать, не мог бы я изготовить одну вещь для его дома на острове Мартас-Винъярд. Ему понравилось то, что я сделал для Оливера, и он хотел нечто подобное, только в три раза

больше. Мы немного поболтали о нашей жизни, о детях, и я мельком упомянул, что у Джоша сейчас последний год магистратуры и ему надо найти себе стажировку, желательно в области цифрового маркетинга.

– А он не думал о том, чтобы поехать в Штаты? – спросил этот друг Оливера и объяснил, что он – гендиректор «Диджимакс», крупной компании, которая как раз занимается цифровым маркетингом и базируется в Нью-Йорке – и предлагает стажировку магистрам. Короче говоря, Джош отправил им резюме, прошел парочку телефонных собеседований с каким-то сотрудником нью-йоркского офиса – и ему в конце концов действительно предложили место. Он с большим воодушевлением относится к тому, чтобы туда поехать. Так здорово видеть, что он извлекает максимум из всех тех возможностей, которых у меня, например, никогда не было.

Ливия

АДАМ ПРИШЕЛ ИЗ САДА, НА ПОДОШВАХ У НЕГО ОПИЛКИ, они остаются на кухонном полу, но мне не привыкать. Меня давно уже это не раздражает.

– Привет, Джош, – говорит он. – Хорошо спал?

– Ну да, отлично. Как всегда, когда я дома. А ты?

– Не очень. Приснилось, будто ветром унесло шатер и Марни вместе с ним. – Он поворачивается ко мне: – Розы прекрасные. Это от кого?

– Как раз от Марни.

Я предлагаю ему свою тарелку с тостами, намазанными маслом: я слишком проголодалась и не могла ждать. Он берет один тост с извиняющейся улыбкой – наконец вспомнил, что обещал сделать завтрак.

– Ты разве не должен был приготовить маме поесть?

Интонации у Джоша не такие уж обвиняющие, но в них явно сквозит определенный подтекст. Адам ничего на это не отвечает. Как всегда.

– Я и открытки уже получила кое-какие, очень милые, – сообщаю я, указывая на стол, где их целая куча. Он подходит поближе, роется в них одной рукой – в другой у него тост, от которого он время от времени откусывает.

– Ты бы их хоть выставила на всеобщее обозрение, – замечает он. – Подольше им порадуешься.

– Папа прав. – Джош берет у Адама открытки и расставляет их на разделочном столе. – Ма, подарки тогда вечером, ничего?

– Конечно.

Упоминание о подарках явно вселяет в Адама какое-то беспокойство. Он еще вчера сказал, что утром ему надо будет съездить в Виндзор, и я делаю вывод, что он пока мне еще ничего не купил. Недели две назад я ненавязчиво намекнула ему на одну очень красивую кожаную сумку, но она довольно дорогая, и я надеюсь, что мой намек остался незамеченным. Мне все-таки будет неловко, если он столько выложит за какую-то там сумку.

Я исподтишка наблюдаю за ним: вот он прислоняется к разделочному столу, пьет вторую чашку кофе, пытается говорить с Джошем о том, куда лучше поставить столы (это их работа на нынешнее утро), о том, как он хочет развесить лампочки. Я замечаю, какой у него усталый вид, и внезапно испытываю прилив любви. Он столько работает все эти четыре года, да и вообще почти всю жизнь, и я знаю, что он с нетерпением ждет, когда жить станет полегче – после выпуска Джоша. Тогда нам придется платить за обучение и проживание только одного студента, и финансовое бремя ослабеет.

Сразу после женитьбы мы с Адамом часто обещали друг другу при первой же возможности продолжить образование – нам ведь толком не удалось его получить. Адам будет изучать строительную инженерию, а я – юриспруденцию. Адаму

помешала реализовать эти планы не нехватка времени, или денег, или амбиций: он просто осознал, что ему очень нравится быть столяром и резчиком по дереву. В работе с деревом есть что-то невероятно естественное, говорит он, что-то умиротворяющее и благотворное.

С годами он сумел выстроить потрясающе успешный бизнес. Иногда вести дела непросто с финансовой точки зрения: мы не всегда заранее знаем, когда поступят деньги от заказчиков, к тому же на одно изделие порой уходит несколько недель. Но Адам заработал кое-какую репутацию краснодеревщика, делающего мебель на заказ, и может запрашивать хорошую цену. Заказы поступают со всего мира. Только в нынешнем году он уже сделал резные письменные столы, очень красивые, для клиентов из Норвегии, Японии и США. Каждая такая вещь уникальна. Некоторые требования не так-то просто выполнить: например, один клиент просил его сделать шкаф с выдвижными ящиками, шесть футов в высоту и четыре в ширину, так, чтобы в каждом ящике имелось несколько потайных ящичков поменьше. А другой хотел деревянную повозку для одного из своих детей, чтобы ее могли тащить их пони. Плата за этот заказ покрыла почти всю стоимость проживания Марни в Гонконге.

Я начала учиться на юриста в Открытом университете, когда Марни было десять лет. У меня ушло шесть лет на то, чтобы получить диплом, а реальной адвокатской практикой я занялась лишь еще через два года – как раз вовремя, по-

сколько именно в тот год Марни сама уехала учиться в университет. Я обожаю свою работу, к тому же теперь мы можем уже не так переживать из-за денег. Адам никогда не хотел, чтобы Джош и Марни брали кредиты на оплату обучения в университете, так что наши ежемесячные расходы поистине колоссальны. Ему приходится работать по многу часов в день шесть дней в неделю, но все равно в финансовом отношении наша жизнь настолько отличается в лучшую сторону от тех времен, когда мы только поженились, что иногда мне хочется ущипнуть себя: не сон ли все это?

– Ма, во сколько за тобой заедет Кирин? – спрашивает Джош, отрываясь от разговора с Адамом (кажется, они говорят о каком-то ящике).

Я смотрю на часы:

– Вот-вот должна быть тут.

– Нельсон мне отбил эсэмэску – хочет зайти. – В голосе Адама так и сквозит улыбка. – По-моему, он норовит сбежать от детишек, за которыми ему сегодня надо приглядывать.

– Почему-то я совсем не удивлена. Он же знает, что Кирин сегодня угощает меня ланчем. – Бросив на него смешливый взгляд, я замечаю: – Вообще-то ты всегда можешь сам зайти к нему и помочь с детьми. Я уверена, что Джош и без тебя справится.

Выражение лица у Адама весьма красноречивое.

– Нет уж, спасибо. Я уже оттрубил свое как молодой

папаша. Теперь его очередь.

– А знаешь, па, – говорит Джош, – в том, чтобы обзавестись потомством в юности, есть свои плюсы.

– Не считая того, что ты вынужден всю свою жизнь временно отставить в сторонку?

Я знаю, что он шутит, но буквально цепенею, когда вижу, как по лицу Джоша проходит тень. Похоже, Адаму уже хочется взять свои слова обратно.

– Давай-ка собирай вещички, ма, – говорит Джош, перемещаясь на другую сторону кухни – физически дистанцируясь от своего отца.

– Ладно, – соглашаюсь я и наскоро целую одного, потом другого. – До скорого.

– Приятно провести время! – кричит Адам мне вслед. Но его слова как-то не согласуются с гнетущей атмосферой, и я не могу заставить себя ответить.

Мчусь наверх захватить телефон, по пути забегаю в ванную почистить зубы и слегка подкрасить губы. Я рада, что ненадолго выберусь из дому, и будет очень приятно провести время с Кирином, это поможет мне отвлечься от всего остального, что сейчас происходит. Сначала я подумывала записаться на сегодня в спа, но потом мне показалось, что это чересчур, к тому же в глубине души я никогда терпеть не могла, чтобы меня обихаживали. И в любом случае я вполне в состоянии сама заняться своей прической и ногтями. Все-таки сегодня не день моей свадьбы.

А еще я рада, что мне удалось подыскать Адаму подарок, чтобы сегодня вечером отблагодарить его за то, что он всегда поддерживал меня с этой вечеринкой, никогда не говорил «да ладно, брось, не стоит». Мне трудно было придумать что-нибудь подходящее: его увлечения – черно-белые фильмы, мотоцикл, мосты, а я в этом ничего не смыслю, и ничего хорошего у меня бы не вышло. Но две недели назад в Виндзоре в обеденный перерыв я увидела в окне турагентства рекламу дешевых перелетов в Бордо и Монпелье. На одной из фотографий был запечатлен виадук Мийо, и я тут же вспомнила, что мы с Адамом как-то видели его в документальном фильме о выдающихся достижениях инженеров-строителей. Адам смотрел как зачарованный, говорил, что с удовольствием принял бы участие в этом проекте и очень хотел бы когда-нибудь увидеть виадук вблизи. Осознав, что я нашла-таки для него идеальный подарок, я вошла в турагентство и, повинуясь внезапному порыву, забронировала два билета в Монпелье и четыре ночи в очень красивой гостинице в центре Мийо, с захватывающими видами на тот самый виадук.

Мы летим уже на следующей неделе – вылетаем во вторник, возвращаемся в субботу. Адам пока не знает, я хочу сделать ему сюрприз. Я знаю, он будет переживать, что потеряет столько рабочего времени, ведь заказы идут и идут, но он заслуживает короткого отпуска. Сегодня вечером, в разгар праздника, когда буду произносить небольшую речь, бла-

годаря всех за то, что пришли, я планирую вручить ему футлярчик с билетами и фотографию виадука Мийо. Уж он-то заслуживает благодарностей больше, чем кто-нибудь еще. Ему столько лет пришлось сосуществовать с призраком моего грядущего праздника. Адам бы поразился, узнай он, как сильно я порой искажала правду и сколько всего от него утаивала, чтобы эта вечеринка получилась в точности такой, как я хочу.

Бросив помаду в сумку, я выхожу из дома, чтобы дождаться Кирина. Когда-то я убедила Адама купить именно этот дом, хотя он предпочел бы более просторный и современный: вот лишь один пример того, как я манипулировала им, чтобы все было по-моему. Меня оправдывает только то, что в конце концов Адам полюбил его так же, как и я. И он никогда не сожалел, что мы его купили.

Мы впервые увидели его примерно через год после рождения Марни. Тогда мы снимали тесную квартирку с двумя спальнями и оба понимали: как только она перерастет свою колыбельку, которую мы втиснули в нашу собственную спальню, между гардеробом и стеной, кровать для нее поставить будет попросту некуда. У Джоша была крошечная каморка, и ни о каких двухъярусных кроватях речь не шла. Когда мы подсчитали, что выплаты по ипотеке будут примерно такими же, как плата за съемную квартиру побольше, родители Адама предложили одолжить нам денег на первоначальный взнос за дом. Для нас это стало настоящим спасени-

ем, к тому же они сказали, что нам вовсе не нужно спешить с выплатой долга, они вполне готовы подождать до лучших времен.

Мы посмотрели много домов и в конце концов сузили список до двух – новостройки и нашего нынешнего. Новостройка в жилом комплексе под Виндзором была побольше, с лишней спальней и кухней попросторнее, и вообще все там было безупречно новенькое, нетронутое. А этот коттедж, построенный больше ста лет назад, нуждался в серьезных переделках, прежде чем мы сможем туда переехать. Но я тут же в него влюбилась, главным образом из-за великолепного сада, где уже росло множество цветов и кустов. А какую свадьбу мы бы здесь сыграли, подумала я с сожалением, глядя на увитую клематисом перголу, уютно притулившуюся в углу. Но потом я подумала о вечеринке, которую надеялась устроить на свое сорокалетие. Тогда еще до этого было так далеко. Я понимала, что думать об этом сейчас попросту смешно, но не могла выкинуть эти мысли из головы.

– Чудесный сад для того, чтобы Марни сделала свои первые шаги. – Я нарочно метила в его ахиллесову пяту, видя, что он склоняется к более легкому варианту – новостройке. – Только представь, как ей понравится играть тут в прятки. Не то что в том длинном унылом садике, где даже трава еще не растет.

Это разрешило его сомнения: я была уверена, что так и будет. На него бы меньше повлияло мое замечание, что у Джо-

ша будет тут больше места, чтобы гонять мяч. Я чувствовала себя неловко, зная, что он уже подумывал превратить в мастерскую лишнюю спальню в новостройке. Но этот сад быстро завоевал его сердце – как и мое.

Мы выкрасили все в белое, отреставрировали старый дубовый паркет, а года через два Адам выстроил в конце сада большой сарай, чтобы там работать, и я уже не стыдилась того, что лишила его мастерской. А когда сегодня вечером на деревьях развешат гирлянды из лампочек, сад будет выглядеть именно так, как я себе представляла много лет назад.

11:00–12:00

Адам

Я СПУСКАЮ ДЖОШУ КАРТОННУЮ КОРОБКУ, в которой нам не помню уже что доставили. Джош стоит в коридоре рядом со стремянкой.

– Так для чего это все-таки? – интересуется он.

Я спускаюсь сам и убираю стремянку на антресоли. Правду я ему сказать не могу, но заранее подготовил ответ.

– Ты же знаешь, что я хочу подарить маме кольцо?

Он кивает.

– Ну так вот, по размеру коробочки она сразу догадается, что это такое. Вот я и решил упрятать коробочку с кольцом в эту штуку. Чтобы, значит, продлить сюрприз.

– Почему же ты тогда не раздобыл несколько коробок, чтобы вставить одну в другую, как матрешки? Там на антресолях их полно, от тостеров и всего такого, у меня есть из-под обуви, мы ее можем задействовать ближе к концу. – Его энтузиазм растет на глазах. – Или запихнуть коробочку с кольцом во втулку из-под туалетной бумаги, а потом уже в обувную коробку. Она в жизни не догадается!

– Нет, думаю, хватит одной коробки.

– Ты же хочешь, чтобы она подольше не угадала?

– Нет, я просто спрячу коробочку с кольцом в эту шту-

ку. – Я ставлю коробку на попа, чтобы удобнее было снести ее вниз. – Поможешь обернуть ее бумагой?

– Но коробочка с кольцом будет в ней болтаться, разве нет? Если только мы эту коробку газетами не набьем.

– Ничего, и так сойдет.

Он следует за мной в кухню, где я сваливаю коробку на пол.

– Давай займемся оберткой. У нас где-то должна быть.

– Может, лучше это сделать, когда ты уже положишь внутрь коробочку с кольцом? – предлагает он. – Чтобы все как следует запечатать.

– А я не хочу запечатывать.

– Почему?

– Потому что тогда ее слишком долго придется открывать.

Джош недоуменно чешет в затылке:

– Но я думал – ты хочешь отсрочить сюрприз?

Я начинаю жалеть, что вообще попросил его помочь.

– Хочу. Но не настолько.

– Не понимаю.

– Вечером поймешь. А пока позволь мне сделать по-моему.

– Ну да, тебе же никогда не удастся сделать по-твоему.

Он произносит это как нечто само собой разумеющееся, и я понимаю: он и в самом деле убежден – все, что я делал и делаю в этой жизни, делается лишь из чувства долга, по обязанности, а не по выбору.

В ответ я бегло улыбаюсь, глянув на него:

– Я бы ничего не стал менять.

Он молчит, и я вижу, что он не верит мне. Я нахожу на одном из буфетов рулоны оберточной бумаги, которые держит там Лив, и мы приступаем к обертыванию коробки.

– Как там Эми? – спрашиваю я, чтобы разрушить эту стену молчания, которая вырастает между нами.

– Нормально. Страшно бесится, что не попадет на праздник. Когда ты поедешь за кольцом?

– Как только мы расставим столы.

Просто невероятно, сколько времени у нас двоих уходит на то, чтобы обернуть картонную коробку, пусть и очень большую, подарочной бумагой. Лив и без посторонней помощи справилась бы вдвое быстрее.

– Надеюсь, со столами у нас дело пойдет легче, – замечает Джош. Он озирается по сторонам: – Куда ты ее хочешь поставить?

– Спрячу под один из столов на террасе. Но придется подождать, пока привезут скатерти, – не хочу, чтобы мама ее увидела раньше времени.

– Она вернется прежде, чем они приедут. – Он задумывается. – У меня есть парочка праздничных наборов с шариками, плакатами и всем таким прочим. Там в каждом еще и бумажная скатерть. Если мы их склеим вместе, можно покрыть ими стол.

– Звучит неплохо, – говорю я, улыбаясь.

Он находит бумажные скатерти, и мы скрепляем их клейкой лентой. Вместе они как раз нужного размера – закрывают стол до самой земли. Мы прячем под ними коробку.

– Идеально, – отмечаю я, испытывая немалое облегчение оттого, что хотя бы с этим мы разобрались. То, что деревянного ящика не нашлось, уже не так меня злит. – Ладно, теперь займемся столами.

Складные столы штабелем лежат у стены дома. Мы ставим четыре под шатер, а восемь – на газоне.

– А стулья? – спрашивает Джош. – Сейчас или потом?

– Давай уж заодно и стулья поставим.

По десять стульев к каждому столу – и наша задача выполнена. Я смотрю на часы: без двадцати двенадцать. Еще рановато для пива.

И все-таки я кошусь на Джоша:

– Ну что, по пиву?

– По-моему, мы заработали. Ты побудь тут, я принесу.

Вообще-то я стою ближе к кухне, чем он, но я знаю, что спорить бесполезно. Будь его воля, он бы вообще не позволил мне делать для него хоть что-то. Ему не очень-то по душе даже тот факт, что я плачу за его учебу в университете, и он уже заявлял, что намерен вернуть мне все до единого пенса, когда начнет работать. Вот почему для меня так много значит то, что он согласился на стажировку в Нью-Йорке. Я был вполне готов к тому, что он откажется, – ведь именно я все это затеял.

Он возвращается с двумя бутылками и с Мёрфи. Мы усаживаемся на садовой стенке, Мёрфи устраивается у наших ног. И вдруг между нами снова возникает это странное напряжение. И я чувствую, что мне трудно подобрать слова.

– Скоро полетишь в Нью-Йорк. Буду по тебе скучать. – Сам себе удивляюсь – в первый раз я сказал ему что-то более или менее эмоциональное. Я уже готовлюсь к тому, что он меня оттолкнет, но меня ждет еще один сюрприз: похоже, напряженность между нами ослабевает.

– Правда? – спрашивает он.

– Конечно.

Он медленно кивает, словно бы намереваясь не спеша переварить то, что я сказал.

– Ты тут говорил, что ничего бы не стал менять, помнишь? – произносит он наконец. – Так оно и есть?

Воздух вокруг нас густеет, все затихает и замирает, как если бы все, от птиц на деревьях до соседей с газонокосилками, поняли важность Джошева вопроса и затаили дыхание, надеясь, что я не упущу случай, какой выпадает раз в жизни (потому что мы с ним никогда не подбирались к этой теме и, может, никогда больше не подберемся), – шанс по-настоящему выяснить отношения между нами. Я невольно думаю: почему Джош протянул мне руку – если, конечно, дело именно в этом? Потому что он скоро улетает в Штаты и, возможно, целый год с нами не увидится?

Мёрфи поднимает голову и смотрит на меня понимающе.

щим взглядом, в котором читается: «Смотри, не прозявь свой шанс». Я вспоминаю, как Джош сегодня заметил, что, когда заводишь детей в юности, тут есть свои плюсы. И то, как у него потемнели глаза, когда я ответил на это шуткой.

– Нет, – говорю я. – Это не так. Есть вещи, которые я изменил бы. Если бы мог.

– Какие вещи? Не женился бы на маме? Отдал бы меня на усыновление?

Он вытягивает перед собой свои длинные ноги, и хотя звучит это несколько шутливо, я знаю, что говорит он совершенно серьезно.

И тогда я смотрю на него как следует. Разглядываю его. Волосы у него того же оттенка, что и у меня – до того, как мои подернулись проседью. И черты лица такие же угловатые, нос тоже немного крючком.

– Нет, Джош, – отвечаю я. – Этого я бы менять не стал.

– А что же тогда?

– Я бы все равно женился на твоей маме, но попозже. Уже после того, как отучился бы в университете.

– Ты мог бы кого-нибудь там встретить, в университете. И она тоже могла бы кого-нибудь за это время встретить.

Я лишь отхлебываю пива. На самом деле я сам часто об этом думаю. Мы с Ливией встречались всего несколько месяцев, и, если бы она не залетела, мы бы, может, вообще не были бы сейчас вместе. Вряд ли я занимал сколько-нибудь серьезное место в долгосрочных планах Ливии, да и она не

занимала такого места в моих. Просто потому, что мы не загадывали настолько далеко. Ни я, ни она. И все-таки после первых лет, довольно непростых, мы пришли к счастью. Самому настоящему.

— Ну, твоя мама определенно то, что мне нужно. Так что я уверен — в конце концов мы все равно оказались бы вместе.

— Но тогда у вас не родился бы я.

— Обязательно родился бы.

— Нет. Если бы ты женился на маме позже, у вас, конечно, все равно мог бы родиться сын. Но это был бы уже не я. Я получился как раз потому, что меня зачали и родили именно тогда.

Я словно в зеркало гляжу — так бывает, когда я на него смотрю. У него прямо-таки на лице написана боль отторжения. И у меня, наверное, тоже. Мы сейчас друг у друга всю кровь выпьем, понимаю я.

Тут я невольно вспоминаю тот давний день, когда он строил крепость из лего и я рассердился из-за того, что он все время требовал, чтобы я ему помог.

— Папочка, мне нужна помощь только вот с этой последней штучкой, — заявил он в пятый раз. — Все остальное я сам сделал, как ты мне говорил.

— Это для повзрослее, — твердила мне Марни, когда я намеренно игнорировал его просьбы. — Он не справится.

Но Джош упорствовал. И, вместо того чтобы похвалить его, я потерял терпение и одним махом разрушил его по-

стройку.

– Ты почему? – спросила Марни, от потрясения забывая грамматику и в ужасе глядя на разгромленную крепость.

– Я... это случайно вышло, – соврал я.

Она бросила на меня взгляд, исполненный чистого, беспримесного отвращения. Так смотрела на меня Ливия, когда я в конце концов заявлялся домой, проваландавшись несколько дней с Нельсоном в Бристоле.

– Нет, ты нарочно, я видела! Подошел и сделал вот так. – Она взмахнула рукой. – Ты противный, ты мне больше не нравишься! – Она повернулась ко мне спиной и подошла к Джошу. – Не плачь, – сказала она, обхватывая его руками за пояс. – Я тебе помогу опять ее построить.

Я тоже подошел, присел рядом с ним на корточки, попросил у него прощения, предложил заново построить крепость вместе с ним. Но он даже не желал показать, что замечает мое присутствие.

– Оставь его в покое, па, уже поздно! – вскрикнула Марни.

Тут я поднял глаза и увидел, что в дверях стоит Ливия и что глаза у нее блестят от слез. Это были не слезы досады и разочарования, как на ранних этапах нашего брака, а слезы безнадежного отчаяния. Мне подумалось: интересно, долго ли она так стоит, много ли она видела?

– Так не может продолжаться, – проговорила она дрожащим голосом. – Все, хватит.

И я знал, что она права.

Я пытался наладить отношения с Джошем, но он почти не разговаривал со мной. Он сохранял между нами дистанцию, хотя теперь я уже не хотел ее сохранять. Он отказывался позволить мне помочь ему хотя бы в чем-то. Наши разговоры на протяжении всех этих лет следовали одной схеме.

– Джош, хочешь, я тебе помогу с этим твоим проектом про динозавров?

– Нет, папа, спасибо.

– Джош, помочь тебе покрасить велосипед?

– Спасибо, папа, не надо.

– Джош, сумеешь один передвинуть кровать? Вдвоем легче.

– Нет-нет, я справлюсь, спасибо.

– Джош, тебе не надо помочь с заявлениями в университеты?

– Нет, все нормально.

– Джош, когда мне лучше перевезти тебя в Бристоль?

– Не волнуйся, па, Нельсон одолжит мне свой фургон.

Ничего, кроме барьера между нами. Барьера, в котором мы так и не сумели пробить брешь. Может, сейчас удастся? Если только я найду верные слова.

Наклонившись, я ерошу шерсть Мёрфи.

– Мне ужасно жаль, что я тогда разрушил твою крепость.

– Господи, да это было сто лет назад, па.

– Ну да. Но это все равно стоит между нами.

– Потому что ты это позволяешь. Ты просто сшиб мою

крепость. Ты же не побил меня, ничего такого. Тебе надо перестать об этом думать.

Я уже не в состоянии смотреть ему в глаза:

– Но ты всегда таил на меня обиду. Именно из-за этого.

– Нет. Из-за того, что ты вечно ходишь вокруг меня на цыпочках. Потому-то я тебя и дразню – пытаюсь добиться реакции. Я просто хочу, чтобы между нами все было нормально.

– Не уверен, знаю ли я, что такое нормально.

– Вот это самое, па. Когда мы пьем пиво, треплемся, честно говорим обо всяких вещах.

Неужели это может быть так просто?

– И вообще я даже рад, что ты тогда раздолбал мою крепость, – замечает он.

Я выпрямляюсь:

– Почему это?

– А иначе мы не завели бы Мёрфи. Ты же поэтому мне его купил, правда? Как бы предлагал помириться.

– Да.

– Только вот тогда ты мне этого не объяснил. Я подумал – ну, ты просто купил мне собаку. К тому же через неделю ты привез Марни Мими.

– Просто потому, что она страшно злилась – как же, тебе подарили животное, а ей нет. А что, все изменилось бы, признайся я, что Мёрфи – выкуп за то, что я разрушил твою крепость?

– Возможно. Если принимаешь такое подношение, ты вроде как соглашаешься помириться, верно? Коммуникативные действия, па. Тут все дело в коммуникации.

Некоторое время мы сидим молча, допивая свое пиво.

– Я рад, что ты согласился на эту стажировку в Нью-Йорке, – говорю я, решив по всем правилам коммуникации сообщить ему, как много это для меня значит.

– Ну да, – откликается он. – Может, еще пива?

– Хорошая мысль.

После чего я просто сижу и жду, чтобы он пошел за новыми бутылками.

– Ну так давай, – говорит он, толкая меня локтем в бок.

– Что?

– Давай принеси. Твоя очередь.

Казалось бы, такая мелочь. Но идя на кухню, я чувствую, как легко у меня на сердце.

Ливия

КИРИН СВЕРНУЛА С АВТОСТРАДЫ на слишком знакомую мне улицу, и у меня тут же чаще забилося сердце.

– Как мы тут оказались? – спрашиваю я, стараясь не показывать тревоги.

– Просто заехали за Джесс! – смеется Кирин.

– Она тоже идет с нами?

– Да! Мы хотели сделать тебе сюрприз.

Мне потребовалось не меньше минуты, чтобы переварить эту новость и обуздать эмоции. Да-да, я рада, что с нами поедет Джесс, конечно, рада, она же моя самая давняя подруга. Просто сейчас все усложнилось.

– Как она, справится? – спрашиваю я у Кирина. – В смысле для нее это будет не чересчур?

Кирин понимает, что я имею в виду:

– Все будет нормально. Она просто больше не хочет садиться за руль, вот мы за ней сейчас и заедем.

Мы останавливаемся перед домом Джесс, я поднимаю с пола сумку и роюсь в ней. Мне ужасно стыдно – я не знала, что Джесс больше не хочет водить машину. Мне она ничего не говорила. Да и как она бы сказала, раз я несколько недель с ней не виделась?

– Мне надо эсэмэску отправить, – говорю я извиняющимся тоном, вынимая из сумки телефон.

Кирин отстегивается:

– Отправляй на здоровье, сейчас я за ней схожу.

Я склоняюсь над телефоном, прислушиваясь к ее шагам, – она идет по дорожке к дому. Потом звонит в дверь. На несколько мгновений у меня перехватывает дыхание. Но тут я слышу, как Джесс говорит «привет», как за ней захлопывается входная дверь. Затем они идут по дорожке к машине, оживленно болтая. И лишь когда они приближаются, я вытираюсь из машины.

– Джесс! – восклицаю я. Она идет ко мне, тяжело опираясь на трость. Я обнимаю ее – осторожно, чтобы она не потеряла равновесие.

– С днем рождения! – говорит она, обнимая меня в ответ.

– Спасибо. Так приятно тебя видеть!

– Давненько не виделись, – замечает она негромко.

– Знаю. Прости. Столько дел с этим праздником, со всем прочим. Дай-ка я тебе помогу.

– Я вполне могу сесть сзади, – протестует она.

– Не выдумывай, ты сядешь спереди. – Я беру ее под руку, помогаю забраться в машину. Я не помню ее такой хрупкой, и меня начинает грызть беспокойство.

Мы с Джесс знакомы уже много лет. Вместе учились в школе, и я была с ней в тот вечер, когда познакомилась с Адамом на вечеринке у подруги. Адам тогда пришел вместе с Нельсоном, и, хотя душой вечеринки и главным шутником был как раз Нельсон, меня тут же потянуло к Адаму

– не только потому, что он был невероятно привлекателен внешне и совсем не похож на большинство парней его возраста, но и потому, что он смотрел мне прямо в глаза, когда мы разговаривали. Его глаза всегда меня словно гипнотизировали; они замечательного серого цвета, и Марни повезло – она их от него унаследовала.

К концу того вечера мы договорились на следующей неделе сходить куда-нибудь вчетвером – я, Адам, Джесс, Нельсон, – и мне буквально не терпелось снова его увидеть. Но тут Джесс спросила меня: ничего, если она выберет Адама? Видно, он и в ее глаза смотрел, огорчилась я. Но решила, что увидеть его вместе с Джесс лучше, чем не видеть вовсе, да и с Нельсоном будет очень прикольно. И потом, это же лишь на один вечер. Мы пошли в клуб – знай об этом мои родители, ни за что бы меня не пустили, – и я вдруг обнаружила, что осталась наедине с Адамом. Позже он признался, что сказал Нельсону: он пойдет на это двойное свидание, только если Нельсон согласится весь вечер занимать Джесс и оставит нас вдвоем.

Жизнь полна непредсказуемых поворотов, и теперь Джесс замужем за Робом, младшим братом Нельсона. Их дочь Клео – лучшая подруга Марни, я – крестная мать Клео, а Джесс, соответственно, крестная мать Марни. Так что, по сути, мы одна большая счастливая семья.

А потом – два года назад – у Джесс обнаружили рассеянный склероз.

– Все на борту? – уточняет Кирин, заводя мотор.

– Все, – подтверждаю я, пристегиваясь. – Такой приятный сюрприз. Провести день рождения с двумя лучшими подругами – лучше и не придумаешь.

Ну да, я знакома с Кирин не так долго, как с Джесс, но, с тех пор как Нельсон представил ее нам с Адамом, она действительно стала нашим близким другом. Порой мы с Адамом невольно задавались вопросом, женится ли когда-нибудь Нельсон. И наконец он женился – в тридцать четыре года, не так уж и поздно, просто у нас сложилось такое впечатление, – мы-то к тому времени уже были женаты пятнадцать лет. У них с Кирин все тоже произошло стремительно, типичный молниеносный роман, но этому я совершенно не удивляюсь. Мало того что Кирин невероятно милая, она еще и невероятно красивая, у нее густые гладкие темные волосы и великолепная оливковая кожа, то и другое – наследие индийских предков.

Мне кажется, Адам почувствовал облегчение, когда Нельсон перестал быть холостяком. Все эти годы он наблюдал, как Нельсон укатывает на своем «харлее» вместе с приятелями по мотоклубу, а сам вел Джоша с Марни на плавание, в парк или просто куда-нибудь на природу. Даже когда Нельсон встретил Кирин, наша повседневная жизнь оставалась диаметрально противоположной, потому что они были свободны и могли делать что заблагорассудится, ездить куда угодно: им не приходилось думать о ком-то еще. Но по-

том у них появились близнецы, а вслед за ними – Лили. И теперь Нельсон никуда не ходит без них, разве что воскресным утром катается на своем мотоцикле к побережью: это он себе выбил.

– Роб спрашивает, не собирается ли Адам завтра проехаться на мотоцикле, – говорит Джесс, случайно угадав ход моих мыслей. – Ну, в смысле если вы с ним доберетесь до кровати только к утру...

– Даже если он поспит всего два часа, вряд ли это мешает ему заняться любимым делом, – сухо отвечаю я. И тут же мне хочется сердито пнуть себя: получается, будто я не хочу, чтобы Адам развеялся на своем мотоцикле, хотя это совсем не так.

Да, мотоциклы для нас с Адамом когда-то были болезненной темой, но только из-за того, что произошло года через два после нашей свадьбы. Джошу исполнилось всего несколько месяцев, когда мы перебрались из дома родителей Адама, где жили после женитьбы, на съемную квартиру. С деньгами было туго, все заработки Адама, казалось, шли на Джоша, так что я стала брать на дом глажку. Клиенты завозили мне корзины мятой одежды по пути на работу и забирали ее на обратном пути аккуратно выглаженной. Я брала лишь по две корзины в день. Десять таких корзин в неделю едва-едва помогали нам сводить концы с концами: чтобы заставить Адама работать на постоянной основе, мистер Уэнтуорт оплачивал ему лишь реально отработанное время. По-

этому в разные месяцы он зарабатывал по-разному, и иногда нам не удавалось даже заплатить за квартиру.

Месяца через два я стала, ничего не говоря Адаму, откладывать по десять фунтов из той сотни, которую зарабатывала каждую неделю, в коробку из-под обуви. Я хранила ее в самом низу гардероба. Мне очень не хватало поездок на отдых с родителями, и я хотела снять домик в Корнуолле, чтобы сделать сюрприз Адаму и Джошу.

Как-то раз, в субботу, когда я уже подумывала о том, чтобы начать готовиться к этой поездке – снять коттедж, заказать билеты и прочее, потому что за два года наконец-то скопила достаточно, – я вернулась домой из супермаркета, на последних сроках беременности (вот-вот должна была родиться Марни), и обнаружила возле нашего подъезда мотоцикл. Я решила, что приехал Роб – Джесс недавно мне рассказала, что он купил себе такую штуку. Мотор еще не остыл, значит, он только что прикатил. Что ж, тем лучше, чуть раньше он разбудил бы Джоша, у которого в это время как раз дневной сон. Но наверху я застала лишь Адама, он сидел на диване, и по его виноватому виду я мгновенно поняла: что-то не так.

– А где Роб? – спросила я, опуская на пол пакеты с продуктами.

– Уже ушел.

Я уперлась ладонями в поясницу, чтобы та поменьше болела.

– А разве там, внизу, не его мотоцикл?

– Нет. – Последовала небольшая пауза. – Это мой.

– Твой?

– Ну да.

Я в ошеломлении села напротив него.

– Не понимаю. Разве ты можешь себе позволить мотоцикл? – Он ничего не ответил, и сердце у меня упало. – Только, пожалуйста, не говори, что ты взял кредит. Мы же вроде бы договаривались – никаких кредитов, будем покупать только то, что реально потянем.

Он непринужденно откинул голову назад, на спинку дивана.

– Не беспокойся, мы его потянем.

Я недоуменно поглядела на него, удивляясь его странной беспечности. Может, мои родители сжалились и прислали нам чек или еще что-нибудь такое? Когда снова забеременела, я им написала, чтобы узнать, не могли бы они опять выплачивать мне те деньги, которые давали с шестнадцати лет, из тех, что завещала мне бабушка. Отец отказался, написав, что бабушка стыдилась бы меня, как стыдятся они сами. Нет-нет, вряд ли они передумали, решила я. И даже если передумали, выплаты были бы на мое имя, и Адам не смог бы к ним притронуться. Может, не мои родители, а его?

– Это твои одолжили тебе деньги? – поинтересовалась я.

– Нет, – коротко ответил он, глядя в потолок.

– Премия от мистера Уэнтвурта?

Он фыркнул:

– Держи карман шире.

– Может, если бы ты почаще являлся на работу, он бы дал тебе премию! – парировала я. – Хватит играть в загадки, Адам. Откуда ты взял деньги?

Тут он опустил голову и наконец посмотрел мне прямо в глаза:

– Ты, черт побери, сама отлично знаешь откуда.

Я не сразу сообразила, что он имеет в виду. А когда сообразила, тут же помчалась в спальню. И там, конечно, лежала на кровати пустая коробка из-под обуви, и в ней ничего не было, кроме горсти фунтовых и двухфунтовых монет. Когда я последний раз пересчитывала содержимое, тут было больше тысячи фунтов, а теперь не осталось и десяти. Меня даже замутило от ужаса: неужели он мог такое сделать? Я схватила коробку и в слезах отправилась к нему.

– Как ты посмел? – рыдала я. – Как ты посмел украсть мои деньги?

Он тут же вскочил.

– А ты как посмела? – сердито прокричал он прямо мне в лицо. – Как ты смела утаивать от меня деньги, ты же знала, как я хочу мотоцикл!

– Ты захотел только после того, как Роб себе купил! Раньше ты ни разу не говорил, что хочешь мотоцикл!

– Я о нем даже не мечтал, мне же надо ребенка поднимать! Но Роб меня просветил. Сказал, что я не могу себе позволить мотик, потому что ты от меня прячешь деньги. А теперь

давай-ка признавайся, когда ты собиралась от меня уйти?

Я уставилась на него:

– Ты вообще о чем? Я когда-нибудь говорила, что хочу от тебя уйти?

– Тогда зачем же тебе тайник?

– Да уж не чтобы от тебя уйти! Между прочим, я тебя люблю, Адам, хоть иногда и не понимаю за что – когда ты ведешь себя, как сейчас.

– А для чего тогда тебе записка?

– Я откладывала, чтобы куда-нибудь свозить тебя с Джошем! На отдых!

Тут я услышала, как заплакал Джош у себя в комнате – видно, его разбудили наши крики. Меня снова охватил страх.

– Когда? Когда ты купил мотоцикл?

– Утром. Пока тебя не было.

– Я всего часа на два уходила.

– Этого хватило.

– А Роб тут был? Оставался здесь, пока ты ездил покупать?

– Нет, это как раз один из его друзей продавал, Роб поехал со мной.

Я смотрела на него почти с ненавистью: он что, до сих пор не соображает, к чему я клоню?

– А как ты его сюда привез? – поинтересовалась я.

– А как ты думаешь? Сел на него и поехал!

– Как?

– В каком смысле?

– В смысле, как ты на нем ехал, раз с тобой был Джош?

Тут-то я увидела, буквально увидела, как до него доходит. Как он думает: «Что-что? Джош?» Кровь отлила у него от лица.

– Ты о нем забыл, да? – Я двинулась на него; я так разозлилась, что готова была глаза ему выцарапать. – Ты забыл про Джоша. Ты так редко с ним сидел, что вообще позабыл о его существовании. Ты, видите ли, отправился покупать себе мотик, а сына оставил тут. Сына, который мог проснуться и обнаружить, что он один в пустой квартире. – Я посмотрела за плечо Адама, в сторону открытого окна: – Джошу уже почти три, Адам! Три! Он умеет лазить!

– Я не знал... – пробормотал он, запинаясь. – Я не подумал...

– А ты никогда не думаешь, в том-то и дело! О себе-то ты думаешь. А обо мне и о Джоше нет. Никогда о нас не думал и никогда не будешь! Поэтому сейчас я ненадолго уйду, а когда вернусь, хочу, чтобы тебя тут больше не было. Отправляйся к Нельсону, живи с ним, все равно ты больше думаешь о нем, чем о нас. Вот тебе денежки на проезд! – И я швырнула ему в лицо жалкое содержимое обувной коробки.

Еще несколько дней у него на лбу виднелись следы от монет.

В тот же день Адам вернул мотоцикл бывшему владельцу

и ухитрился получить деньги назад, но он так и не простил Роба за то, что тот ввел его в заблуждение, внушив ему, будто я коплю деньги, чтобы уйти от него. Я тоже не простила. Я знала: когда Джесс передала ему то, в чем я призналась ей по секрету (что тайком откладываю деньги), она наверняка объяснила для чего. Какое-то время я не понимала, зачем Робу понадобилось так поступать. А потом вспомнила, как он настойчиво предлагал мне сходить с ним куда-нибудь, даже после того, как я встретила Адама, и несмотря на мои постоянные отказы. И сейчас я нахожу для него лишь один мотив – месть. Сидя в машине позади Кирина и Джесс, глядя, как за окном мелькают прекрасные сельские пейзажи, я чувствовала, как по спине у меня пробегают мурашки.

12:00–13:00

Адам

Я ВЫНИМАЮ КОЖАНУЮ КУРТКУ из шкафа под лестницей и иду к гаражу. Хотя я и еду всего-навсего в Виндзор, меня охватывает знакомое возбуждение, как всегда, когда я куда-нибудь выбираюсь на мотоцикле. Я надеваю шлем, включается моя любимая музыка – и я словно оказываюсь в своем потаенном мире.

Поворачиваю ключ в замке зажигания, и мотор с ревом оживает. Просто не верится, как мне стало хорошо после того, как мы с Джошем поговорили по душам. Сидя на садовой стенке и допивая второй круг пива, мы с ним разговаривали как никогда прежде – не о чем-то значительном, просто о всяких повседневных вещах. Ему захотелось узнать, какими приемами я пользуюсь, когда режу по дереву, и я рассказал ему, что собираюсь вырезать для Марни ангела. Он сказал, что не прочь посмотреть, как завтра утром я приступлю к этой работе.

Мне даже обидно, что у Ливии нет своего любимого дела: у меня есть мотик и дерево, а у нее ничего такого. Я и не задумывался, что у нее, по-хорошему, нет никаких хобби, пока она сама не заговорила об этом несколько недель назад. Она допоздна заработалась, сидя за кухонным столом, и я

заглянул предложить ей бокал вина. И обнаружил, что она плачет – слезы капали прямо на клавиатуру.

– Ну-ну, – сказал я, отодвигая ноут в сторонку, – что стряслось?

Она потеряла глаза и всем телом прильнула ко мне, когда я наклонился ее обнять.

– Просто вдруг почувствовала себя ни на что не годной...

Я поцеловал ее в макушку, вдохнул знакомый аромат коса и духов.

– Это совершенно не соответствует действительности, – заверил я ее.

– А вот скажи мне честно, – проговорила она, подняв на меня взгляд, – тебе не кажется, что я напортачила с Джошем и Марни? Из-за того, что мои родители в свое время напортачили со мной.

Вопрос прозвучал так неожиданно, что я даже расхохотался.

– Лив, ты в своем уме? Да ты лучшая мать на свете. Без тебя наши дети не были бы такими. Даже наполовину. Ты их великолепно воспитала.

Она отстранилась и попыталась вернуться к своей работе. Но я удержал ее руки и закрыл компьютер.

– Ты потрясающая, – заявил я. – Уж не знаю, что на тебя нашло, но ты просто потрясающая.

Но она лишь задумчиво смотрела в темное ночное окно.

– Я просто... не знаю... кажется, где-то по пути я... поте-

ряла себя. Я мать, жена, адвокат, подруга, но иногда мне хочется чего-то сверх того, чего-то своего – вот как у тебя. Чего-нибудь вроде твоего мотоцикла, твоей резьбы по дереву. У меня уже много лет нет такого увлечения только для меня одной. А может, и никогда не было. У меня и талантов-то никаких нету, не то что у тебя. Ты творческая личность, а я... просто ничтожество.

Мне стало больно оттого, что она не видит, какая она замечательная. Я взял ее за запястья, осторожно поднял на ноги. Когда она обхватила меня руками, я ощутил ребра у нее под джемпером. Недавно она здорово похудела, а я все забывал ее расспросить. Она худеет ради предстоящего праздника? Или ее грызет что-то более серьезное? Но она бы со мной поделилась, она никогда не допускала между нами никакой недосказанности.

– А как же твои розы? – спросил я, радуясь, что все-таки нашел что-то полностью ее. – По-моему, больше никто не называет розы, как ты. Это настоящий талант.

Она было начала улыбаться, но затем улыбка переросла в хохот, так что на глазах у нее снова выступили слезы.

– Ну что такое? – Я даже удивился. – Ты правда это умеешь!

– Адам, я в жизни не слышала ничего более депрессивного! Мне тридцать девять лет! Называть розы – это никакой не талант. Как будто мне восемьдесят...

Она опечаленно затихла, и я снова притянул ее к себе и

обнял.

– На твое сорокалетие мы тебе найдем самое крутое хобби, – посулил я. – Вот погоди, сама увидишь.

Я-то знаю, что все дело в ее родителях, а не в том, что у нее, видите ли, нет никакого хобби. Вот почему я полон решимости устроить для нее потрясающий праздник, явятся они или нет. Она стоит того, чтобы ее побаловали, целиком посвятили ей этот день, чтобы он был полон приятных сюрпризов, в числе которых кольцо, за которым я как раз и еду. Собственно, оно уже заказано, осталось его забрать.

Ювелирный магазин скрывается в лабиринте пешеходных улочек, так что я оставляю мотоцикл на привычной автостоянке и начинаю недолгую прогулку к своей цели. По-прежнему тепло, ближе к середине дня пригревает все сильнее, и я радуюсь при мысли о Лив, которая сейчас едет в спа. Эта поездка тоже должна стать для нее приятной неожиданностью. Лавируя между субботними покупателями, я снимаю мотоциклетные перчатки, сую их в карман куртки, вынимаю телефон посмотреть время.

Свет слишком яркий, и мне плохо видно, что там на экране. Я слегка заслоняю его рукой от солнца. И вижу на домашней странице оповещение о новостях.

Срочные новости

Самолет авиакомпании Pyramid Airways потерпел крушение близ Каирского международного аэропорта.

Мой взгляд застывает на словах *Pyramid Airways*. Марни летит рейсом *Pyramid Airways*. Я замираю. От страха сжимается сердце. Я знаю, это не может быть ее рейс, это какой-то другой. Но само упоминание Каирского аэропорта... Это слишком близко.

Нажимаю на экран, чтобы открыть новостное приложение Би-би-си.

Самолет разбился при вылете из Каирского международного аэропорта. Рейс PA206 авиакомпании Pyramid Airways потерпел крушение в 11:55 по местному времени.

У меня пересыхает во рту. Это же тот рейс, которым должна была лететь Марни? Тот, про который она писала, что не успевает на него? Или это какой-то следующий?

Я слышу детский вскрик. Что-то ударяет меня по ноге – пакет с чьими-то покупками. Поднимаю взгляд, не в силах сосредоточить его на чем-то, пытаюсь осознать то, что я прочел. Надо найти номер рейса Марни, но несколько мгновений у меня просто не двигаются руки. Я отхожу к окну какого-то магазина, там тень. Открываю тот текстовый разговор по ватсапу, когда она присылала мне данные своего рейса. Негнущимися пальцами пролистываю вниз.

Гонконг – Каир рейс HK945 отпр. 06:10 приб. 10:15

Каир – Амст RA206 отпр. 11:35 приб. 17:40

Амст – Лонд EK749 отпр. 19:30 приб. 19:55

Лонд – домой примерное время приб. – 21:00!!!

Каир – Амстердам, рейс RA206, отправление в 11:35. Я мысленно повторяю это дважды. Рейс RA206, время вылета – одиннадцать тридцать пять. Рейс RA206, время вылета – одиннадцать тридцать пять. Номер рейса в новостях – RA206. Это рейс Марни. Она была бы в этом самолете. Если бы не отложили ее рейс из Гонконга в Каир.

Меня трясет от шока. И от облегчения. Я расстегиваю молнию – кожаная куртка вдруг кажется чересчур тяжелой. Слава богу, Марни не успела на этот рейс. Слава богу, ее рейс отложили. Но мне надо убедиться. Надо проверить – вдруг она все-таки добралась до Каира как раз вовремя, чтобы успеть на этот рейс в Амстердам?

Нахожу авиаприложение, которое поставил на телефон, когда Марни впервые улетела. Снова открываю наш разговор по ватсапу – там номер ее рейса из Гонконга. Вбиваю номер в авиаприложение: HK945. Мне выдают подробности: ее самолет приземлился в Каире в 11:25 по местному времени, то есть она прилетела туда более чем с часовым опозданием. И всего за десять минут до того, как вылетал тот самый самолет на Амстердам. У меня ноги подкашиваются от облегчения. Конечно, она бы на него ни за что не успела, у нее в запасе оставалось всего десять минут. А значит, она сейчас в Каир-

ском аэропорту, ждет ближайшего рейса. Понятно, она вне себя от досады, но, по крайней мере, в безопасности.

Но... почему она не выходила на связь? Может, она пыталась позвонить, а я пропустил? Смотрю «Пропущенные вызовы». Ничего. Нажимаю на иконку фейстайма, жду, когда на экране появится ее лицо. Ничего. Прерываю вызов, пробую аудиорежим – вдруг сигнал слабый и видеосвязь не работает? Никаких результатов. Пытаюсь отправить ей эсэм-эску: «Марни, что-то с одним рейсом, кт вылетал из Каира. Напиши или позв, как только смож. Целую».

Такое же сообщение я посылаю ей через вотсап, чтобы удвоить шансы. Жду знака, что Марни его увидела. Этих двух синих галочек и потом надписи «печатает...» в верхней части экрана, под ее именем. Ничего. Никаких галочек, означающих, что мое послание прочитано. Проверяю статус сообщения. «Не доставлено». Видимо, в Каире из-за этой катастрофы временно накрылась сеть. Наверное, там в аэропорту жуткий хаос. Вряд ли там объявили о катастрофе по громкой связи, но все наверняка понимают – что-то не так, потому что на всех табло вдруг появились надписи «Отложен» или «Отменен» для всех ближайших рейсов на вылет. Бедная Марни, она дико расстроится.

Надо сообразить, что делать. Как узнать, где сейчас Марни, все ли у нее в порядке. Обычно при таких катастрофах вводят специальный номер, по которому можно узнать, летел ли кто-то из ваших близких этим рейсом. Я знаю, я знаю,

Марни им не летела, но хорошо бы получить подтверждение, что она на него не успела.

Возвращаюсь к новостному материалу Би-би-си. Там обновление: «Как полагают, все 243 пассажира и члена экипажа погибли». В меня снова со всей силой ударяет безжалостная реальность этой катастрофы. Ливия, мне надо сказать Ливии, ей нужно об этом знать. Сама мысль о том, чтобы рассказать ей, меня пугает. Как я сообщу ей о том, что случилось, не вызвав у нее приступ паники? Такой понятной паники. Она сейчас с Кирина и Джесс в спа, я не могу просто взять и позвонить ей – по крайней мере, с такой новостью.

Мимо проходит, толкая друг друга, кучка подростков. Кто-то из них случайно задевает меня за локоть, как раз когда я нажимаю «Обновить». Но в материале Би-би-си пока нет ничего нового. Проверяю, что там в ватсапе. Нет, так и не появилось никаких галочек рядом с посланием, которое я пытаюсь отправить Марни. Даже серых. Оно по-прежнему не доставлено.

Чувствую, как к сердцу подступает ужас. Понятия не имею, что мне делать.

Ливия

МАШИНА ЗАМЕДЛЯЕТ ХОД, и Кирин поворачивает налево, на зеленую аллею с рододендронами по бокам. После чего останавливается у красивого загородного дома.

– Это что такое? – спрашиваю я, глядя в окно.

– Наш подарок тебе на день рождения. – Она улыбается мне в зеркало заднего вида. – Дневное посещение спа. Лицо, массаж – все включено!

Отстегнув ремень, я наклоняюсь к ним, порывисто обнимаю обоих:

– О господи, вы просто потрясающие! Спасибо! Спасибо вам! – И тут же пугаюсь: – Но вы ведь со мной? Не бросите меня?

Джесс в ответ смеется:

– Не переживай, мы пойдем с тобой.

– Я ходила в спа примерно раз в месяц, еще до того, как у меня появился Нельсон и дети, – сообщает Кирин, когда мы уже вылезаем из машины. – Первая процедура в два, так что у нас есть время на ланч. – Она берет нас обоих под руки, незаметно поддерживая Джесс. – Пойдемте. Нам сюда.

– Я так рада, что хоть на несколько часов удрала из дому, – признается Джесс, когда мы идем по мощеной дорожке, под деревянными перголами, увитыми благоуханным клематисом. – Роб сейчас занимается чисткой мотоцикла. Какие-то

детали он даже в кухонную раковину пристроил.

Кирин согласно кивает:

– И я рада вырваться. Просто удивительно, сколько всего Нельсону понадобилось со мной предварительно обсудить. К примеру, когда уложить Лили поспать днем, что дать мальчикам на ланч. Ну ладно, хватит о мужиках. Какие у тебя ощущения, Лив? Тебе не кажется странным, что наконец настал день твоей вечеринки?

– Да я еще толком и не поняла, – отвечаю я ей.

– Наверняка у тебя какое-то необычное чувство, – предполагает Джесс. Мы подходим к каменным ступенькам, которые ведут ко входу. Она сильнее опирается на меня, поворачивается всем телом, чтобы подниматься боком. – Ты же так долго все это планировала.

– Двадцать лет. Как-то даже унизительно, правда? Но пока все вроде бы получается, как я мечтала. Погода великолепная. И народу будет полно – почти сто человек. Мне очень повезло, вот что я чувствую.

– Ты этого заслуживаешь, – уверяет меня Кирин.

Мы уже дошли до входа, но я останавливаюсь.

– Ты думаешь? – спрашиваю я с сомнением.

– Ну да, конечно! – Джесс тянет меня за руку, буквально тащит вперед. – Почему нет?

– Не знаю... в глубине души я не... Как по-вашему – нет в этом чего-то, ну не знаю, нравственно порочного, когда тра-тишь столько деньжищ на один вечер, на одного человека?

Кирин преувеличенно громко вздыхает, изображая усталое раздражение. Мы с ней уже это обсуждали. Я знаю: по ее мнению, я дурью маюсь.

– Если коротко, то нет. Я на свою свадьбу потратила гораздо больше, – отвечает она, смеясь. И с силой дергает золотой колокольчик рядом с табличкой «Звоните, если требуется помощь».

– Тогда праздновали целый день. И потом, то свадьба, а то всего-навсего день рождения.

– Не беспокойся, на свое сорокалетие я тоже мощный праздник закачу!

Нас ведут на открытую террасу, где столики, накрытые к ланчу, расставлены вокруг большого плавательного бассейна. Некоторые посетители расположились в шезлонгах и загорают. Все уткнулись в телефоны. Вода сверкает в солнечных лучах. Это кажется избитым, но она и правда сверкает.

– Надо мне было захватить купальник, – говорю я, с тоской глядя на бассейн.

Джесс тут же сует руку в свою сумку, достает очень миленький подарочный пакет и торжественно вручает его мне:

– Сказано – сделано.

– Что это? – спрашиваю я.

– Это чтобы ты себя чувствовала, как говорится, на миллион долларов.

– Я уже и так чувствую, с такими-то шикарными друзьями.

Я открываю пакет и вынимаю потрясающий красный купальник со стразами на бретельках. Я о таком даже и не мечтала. Мне он безумно нравится.

Кирин заказывает шампанское, а пока его несут, мы идем в раздевалку при бассейне, чтобы переодеться.

– В самый раз, – говорю я, натянув купальник. – Просто замечательный! Спасибо! А у нас есть время поплавать?

– Конечно.

Лишь оказавшись в бассейне, я по-настоящему понимаю, в каком напряжении прожила эти несколько недель. Ложусь на спину, закрываю глаза: пусть этот стресс уходит из меня, просачиваясь наружу, в безмятежную воду. Все будет хорошо, твержу я себе. Так должно быть. Не вынесу, если будет иначе.

Тут нам приносят напитки. Это мигом выманивает нас из воды.

– А это для кого? – интересуется Джесс, указывая на апельсиновый сок.

Кирин поднимает руку:

– Для меня. Хотя глоточек шампанского я тоже выпью.

Джесс косится на нее:

– Ты, случайно, не?..

В ответ та улыбается с извиняющимся видом:

– Случайно да.

– Ого, Кирин! Это же чудесно! – восклицаю я, обнимая ее.

Она внезапно садится, как будто ноги отказываются ее

держать.

– Близнецы, – сообщает она. – Опять.

Я быстренько прикидываю в уме: получается, скоро у нее будет пятеро детей младше шести лет.

– Боже мой! Как здорово! – Может показаться, что Джесс полна воодушевления, но я-то знаю, что эта новость ее немного задевает: после рождения Клео она отчаянно пыталась завести еще детей. Но после трех выкидышей они с Робом решили оставить дальнейшие попытки. Вероятно, ей это еще тяжелее переносить из-за того, что Нельсон и Роб – братья. Из всех моих знакомых Джесс наименее эгоистичная. Она совершенно не заслуживает того, что с ней произошло за эти два года.

– И как ты себя чувствуешь? – спрашиваю я у Кирина.

– Пока отлично. Я всего-навсего на тринадцатой неделе. Вчера мне сделали УЗИ и как раз сказали, что их двое.

– Жалко, что я не видела, какое при этом было лицо у Нельсона!

– А его там не было.

– Почему это?

– А я ему не сказала про беременность.

Джесс недоуменно косится на меня: «Она не сказала Нельсону?»

– Но... – Она встревоженно переводит взгляд на Кирина. – Он разве не заметил?

Та качает головой:

– Вес я пока не набрала. И утренней тошноты никакой. Для меня всегда хуже всего второй триместр. Так что уже вот-вот.

– Но почему ты ему не сказала? – спрашиваю я. – Он же совершенно нормально это воспримет, разве нет?

– У нас с ним был разговор насчет четвертого. После того, как родилась Лили. Он сказал, трех достаточно. Я с ним снова заговорила на эту тему, когда до меня дошло, что я опять в положении. И он сказал – нет, ни в коем случае.

– Ох, Кирин. – Я тянусь к ней, сочувственно сжимаю ей руку. – Он смирится с этой мыслью, как только узнает.

– Я знаю, что смирится. И потом, несмотря на все его причитания, он обожает быть папашей. Но сам факт, что будет двойня... – Она начинает смеяться. – Думаю, ему и в страшном сне не снилось, что у него в конце концов будет пять детей мал мала меньше. Для него это будет потрясение.

Мы с Джесс тоже разражаемся хохотом.

– Нельсон – папаша пятерых, – произносит Джесс, вытирая глаза. – Смех, да и только. По-моему, нам надо выпить. – Она протягивает нам по бокалу шампанского. – С днем рождения! – говорит она мне. – И тебя поздравляю! – с улыбкой добавляет она, обращаясь к Кирин.

– Спасибо за чудесный подарок, – благодарю я, чокаясь с ними. – Вы самые-самые лучшие.

Кирин пригубливает шампанское.

– Может, я вечером скажу Нельсону, на твоей вечеринке.

Когда он выпьет несколько бокалов.

– А что, неплохо придумано. Все кинутся его поздравлять, твердить, какая у него теперь будет замечательная семья, и он решит, что это и правда самая расчудесная новость на свете.

– Дело ведь не только в беременности, – говорит Кирин, меняя бокал с шампанским на стакан сока. – У меня будет пятеро маленьких детей, и я хочу уйти с работы. На нянь никаких денег не хватит, и в любом случае я хочу иметь возможность сидеть с детьми. Конечно, с деньгами будет тяжело. – Помолчав, она продолжает: – Начать с того, что о поездках в отпуск придется забыть. Как и о многом другом. Никаких тебе безумно дорогих вин, которые Нельсон обожает. Никаких мотоциклов. Все эти излишества оплачиваются из моей зарплаты. А его зарплата идет на ипотеку, текущие расходы – и практически все.

– Я уверена, он будет только рад несколько лет жертвовать этими удовольствиями, – замечает Джесс.

– Но это будет не просто несколько лет, – возражает Кирин. – Чем дети старше, тем они дороже обходятся.

– Что правда, то правда, – соглашаюсь я, пытаюсь не думать, во сколько обойдется обучение в университете (и, соответственно, проживание) пяти детей. – Подумай лучше о том, какая у вас будет замечательная семья. И потом, есть шанс, что, когда они станут постарше, хотя бы некоторые из них останутся жить в той же стране, что и ты. У Полы... вы

ее знаете, моя подруга по работе, она в прошлом году ушла на пенсию, – ну так вот, у нее один сын живет в Австралии, а другой – в Канаде. Я бы не обрадовалась, если бы в конце концов мои дети поселились где-нибудь за границей.

– Ну, насчет Марни ты можешь не беспокоиться, – замечает Джесс. – Наверняка ты рада, что она решила вернуться домой, а не отправиться в это свое путешествие. Тем более что недели через две Джош уже улетит в Нью-Йорк.

Я ерзаю в кресле:

– Ну да, я рада.

– И не переживай, – добавляет Кирин, – я обязательно скажу Нельсону. Тут надо просто найти подходящее время.

– Хорошо, – отвечаю я. Думая при этом: интересно, а я когда-нибудь найду подходящее время, чтобы сказать Адаму то, что следовало бы сказать еще раньше?

– Попроси Адама не хохотать слишком громко и слишком долго, когда он услышит эту новость.

– Он не станет, – пообещала я. – По-моему, он может даже позавидовать.

– Да ну? – Джесс выглядит заинтригованной. – Вроде бы он никогда не хотел завести третьего?

– Честно говоря, раньше мне казалось, что этого он бы хотел меньше всего на свете. Но в сентябре, когда Марни улетела в Гонконг, а Джош вернулся в университет, на него, видимо, как-то... подействовал опустевший дом. Потому что он сказал: надо было нам завести еще одного. – Я делаю шед-

рый глоток шампанского и со смехом добавляю: – Можете себе представить?

– Еще не поздно, – замечает Кирин.

– Ну, я не про свой возраст, не про что-то такое. – Кирин всего на два года младше меня, и мне не хочется, чтобы она думала, будто я имею в виду именно годы. – Просто теперь я... так далеко от всего этого.

– Ладно, не переживай! – Она тоже смеется. – Хотя, конечно, Нельсону будет гораздо легче, если окажется, что и Адам скоро опять станет отцом.

– Исключено, – отвечаю я твердо. – Уж извините!

Официант раздает нам меню, и мы заказываем ланч. Ожидая, пока его принесут, успеваем еще разок поплавать и потом обсушиться на солнце в шезлонгах. Я мажусь кремом от загара, одолженным у Кирина, и мои мысли невольно возвращаются к тому дню, когда Адам заметил: «Надо было нам завести еще одного».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.